

ГОРЬКОЕ ЛЕТО 1941-го

ХХ военные
тайны
века

А.Ю. БОНДАРЕНКО, Н.Н. ЕФИМОВ

Военные тайны XX века

Горькое лето 1941-го

«ВЕЧЕ»

2011

Горькое лето 1941-го / «ВЕЧЕ», 2011 — (Военные тайны XX века)

ISBN 978-5-4444-7894-3

«Для правильного анализа и оценки военных событий важно, чтобы все исторические факты рассматривались с профессиональным пониманием существа дела, с глубоким учетом особенностей конкретной обстановки, условий, в которых происходили события. Невнимание к этой стороне военно-исторических исследований, недостаточная компетентность в оперативно-стратегических вопросах приводят к необоснованным выводам и заключениям, искажающим историческую действительность. Это полностью относится к выяснению главных причин наших неудач и поражений в 1941 году...»

ISBN 978-5-4444-7894-3

, 2011

© ВЕЧЕ, 2011

Содержание

Часть 1. «Мы знали, что война не за горами...»	6
Уроки на все времена	6
«На нас напала практически вся Европа...»	18
Собеседник – доктор исторических наук Юрий Жуков	18
У истоков коалиции	25
Доктор исторических наук Олег Ржешевский	25
Россия не в долгу перед странами Балтии	32
Собеседник – доктор исторических наук Юрий Кузнец	32
«Упредить противника в развертывании...»	39
Юрий Никифоров, кандидат исторических наук	39
Объекты глубинного заложения	44
Специальный корреспондент газеты «Красная звезда»	44
Николай Пальчиков	
Как это начиналось	44
ЗКП ВГК «Измайлово»	45
Тайны спецубежищ	47
И Верховный остался...	49
Золотая звезда под номером 33	51
Александр Бондаренко	51
Глазами американского историка	60
Профессор Роджер Риз, Техасский университет (США),	60
автор книг «Непослушные солдаты Сталина: социальная	
история Красной Армии. 1925–1941 гг.», «Советский	
военный опыт: история Советской Армии, 1917–1991 гг.»	
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Горькое лето 1941-го

©Ефимов Н.Н., Бондаренко А.Ю., авторы-составители, 2011

©ООО «Издательский дом «Вече», 2011

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Часть 1. «Мы знали, что война не за горами...»

Уроки на все времена

*Президент Академии военных наук генерал армии
Махмуд Гареев.*

Для правильного анализа и оценки военных событий важно, чтобы все исторические факты рассматривались с профессиональным пониманием существа дела, с глубоким учетом особенностей конкретной обстановки, условий, в которых происходили события. Невнимание к этой стороне военно-исторических исследований, недостаточная компетентность в оперативно-стратегических вопросах приводят к необоснованным выводам и заключениям, искажающим историческую действительность.

Это полностью относится к выяснению главных причин наших неудач и поражений в 1941 году. Таких причин называется много. Говорят, например, о нашей общей неподготовленности к войне. Да, серьезные изъяны в этом были. Но именно то обстоятельство, что, даже несмотря на первоначальные поражения, наша страна, армия оправались и добились в конечном счете перелома хода войны в свою пользу, свидетельствует о том, что важнейшие основы обороноспособности страны были заложены до войны и без этого невозможно было бы одержать победу.

К одной из причин неудачного начала войны относят неправильное определение советским командованием направления главного удара противника. Он ожидался на юго-западе, а реально наносился на западном (московском) направлении. Но это не имело столь решающего значения, как изображается, ибо и на юго-западном направлении, где были сосредоточены основные силы Красной Армии и где противник наносил не главный удар, наши войска все-таки потерпели поражение. К тому же направление сосредоточения основных усилий советским командованием выбиралось не в интересах обороны: таковая просто не предусматривалась, и в этом состояла одна из серьезных ошибок, а применительно совершенно к другой обстановке, когда планировалось, что западные военные округа, быстро отразив вторжение противника после завершения отмотилизования армии, идут в наступление.

Для подобного варианта развития событий сосредоточение основных усилий на юго-западном направлении было вполне обоснованным и сулило больше преимуществ, чем на западном направлении. Главный удар на юго-западе пролегал бы по более благоприятной для наступления местности, отрезал Германию от основных союзников, от нефти, выводил наши войска во фланг и тыл главной группировки противника. Сосредоточение же основных усилий на западе при переходе в контрнаступление приводило к лобовому столкновению с основными силами германской армии, требовало прорыва укрепленных районов на очень сложной местности.

Ставится вопрос о возможности нанесения с нашей стороны упреждающего удара с целью срыва нападения нацистской Германии. Фальсификаторы даже утверждают, что в советском Генштабе был разработан план осуществления такого удара.

Однако внимательное изучение оперативных планов Генштаба тех лет показывает, что каких-либо планов превентивного нападения не было. Разумеется, в процессе подготовки оперативных планов прорабатывались различные способы возможных действий Красной Армии, в том числе действия по срыву нападения противника. Такой вариант изучался на случай, если к началу агрессии против СССР Красная Армия была бы полностью отмотилизована, развер-

нута и действительно готова, как тогда говорили, ответить «двойным ударом на удар противника».

Но реально обстановка складывалась таким образом, что все усилия советского руководства были направлены на то, чтобы любой ценой оттянуть начало войны. Исходя из этого, несмотря на сосредоточение у наших границ крупных группировок вермахта, стратегическое развертывание нашей армии всячески сдерживалось. СССР не имел отмобилизованных и развернутых группировок войск, поэтому упреждающие действия с нашей стороны не могли реально готовиться и западным военным округам ставились задачи в первую очередь прикрытия государственной границы. Если к тому же учесть, что наши войска не были приведены в боевую готовность, было даже запрещено сбивать германские самолеты, нарушавшие воздушное пространство, если, наконец, даже после того, как началось вторжение, войскам был отдан приказ отражать наступление противника, но границу не переходить, то ни о каком нападении на Германию с нашей стороны не могло быть и речи.

Наоборот, делалось все возможное и невозможное (даже в ущерб безопасности страны), чтобы любой ценой оттянуть начало войны. Известный немецкий историк, профессор Боннского университета Г.-А. Якобсен подтвердил, что *«из многочисленных архивных материалов и из личных бесед с самим Гальдером вынес убеждение, что Гитлер вовсе не исходил из того, что русские окажут немцам любезность, напав первыми»*. Германский посол в Москве фон Шуленбург в беседе с Гитлером заявил: *«Я не могу поверить, что Россия когда-либо нападет на Германию»*. Согласившись с этим, Гитлер, по словам Шуленбурга, выразил недовольство тем, что Советский Союз невозможно даже *«спровоцировать на нападение»*.

Как же можно в свете всего этого заявлять о какой-то возможности превентивного нападения на Германию со стороны СССР? Внимательное изучение дневников Ф. Гальдера, И. Геббельса и других документов показывает, что гитлеровское руководство целеустремленно готовило агрессию против нашей страны, не ожидая какого-либо нападения с ее стороны. Некоторые из упомянутых обстоятельств, как и многие другие, оказали, несомненно, свое влияние на неудачный ход военных действий в начале войны, но все же они не были определяющими. Главных же причин было две.

Первая – это переоценка советским руководством возможностей политических средств предотвращения войны и попытки их осуществления в отрыве от военно-стратегических соображений.

Вторая причина – недооценка противника и несвоевременное приведение войск в боевую готовность.

Говоря о первой причине, следует отметить, что стремление советского руководства избежать войны путем заключения договоров и другими политическими средствами было вполне оправданным. Совершенно очевидна также главенствующая роль политики и политических соображений при обеспечении безопасности страны. Но, как показал опыт, политику нельзя превращать в самоцель. Этого не учел Сталин, и это поставило Советские Вооруженные силы в 1941 году в тяжелейшие условия, от которых ни одна другая армия не могла бы оправиться. Непростительно забвение того элементарного положения, что война – явление двустороннее.

Нежелание И. Сталина считаться с этой истиной было доведено до абсурда. Он часто упускал из виду, что при остром политическом и военном противоборстве сторон недопустимо исходить только из собственных желаний и побуждений, не учитывая того, какие цели преследовала и что могла предпринять другая сторона. Можно как-то понять стремление Сталина оттянуть начало войны, но и Гитлер понимал, что надо было нападать именно в 1941 году, поскольку потом возникнет другая, менее благоприятная для этого обстановка.

Теперь о второй причине. В целом усилиями всего народа в 1930-е годы была проделана огромная работа по укреплению обороноспособности страны и боеспособности Вооруженных

сил. Однако подготовка страны к войне не была завершена. В полной мере это никогда не удавалось ни одному не планировавшему агрессию государству. В нашей стране организация обороны, военное строительство осложнялись еще и тем, что наряду с достижениями в этой области были допущены и крупные просчеты, связанные прежде всего с переводом промышленности и Вооруженных сил на военное положение.

Всеобщая подозрительность и недоверие к людям, их безынициативность и запуганность, вызванные массовыми репрессиями, сузили общий фронт работы, лишили систему управления тех живых соков творчества и инициативы, без которых она может функционировать только строго по вертикали – сверху вниз, в пределах установленных рамок, будучи неспособной охватывать все сложности реальной действительности и реагировать на ее изменения. Это тормозило работу по подготовке страны и Вооруженных сил к отражению агрессии. Многие предложения Госплана, Наркомата обороны подолгу не рассматривались, и решение назревших вопросов многократно откладывалось. В результате до начала войны так и не были приняты решения по переводу промышленности на военное положение и форсированию производства новых видов оружия. Не были утверждены и введены в действие новые оперативные и мобилизационные планы, а существовавшие планы устарели и не соответствовали новым условиям.

До начала войны не было проведено отмотилизование Вооруженных сил, а самое главное – наши войска к началу военных действий, оставаясь, по существу, на положении мирного времени, не были приведены в боевую готовность и не заняли оборонительных рубежей для отражения агрессии. Другими словами, это означало, что всесторонне подготовившийся противник наносил удар по армии, которая к началу его нападения не изготвилаась для боевых действий, находилась, по сути, в безоружном состоянии. В подобных условиях ни одна армия не может полноценно реализовать ни свои возможности, ни другие боевые качества. Если бы даже не было никаких других ошибок (несвоевременность отмотилизования армии, распыление боевой техники по многим формированиям, неправильное определение направления главного удара противника и многое другое), то одно только упущение с приведением войск в боевую готовность все равно свело бы на нет все другие осуществленные мероприятия. Это обстоятельство имело катастрофические последствия, предопределив все наши неудачи и поражения в начале войны.

Надо также учитывать: многое из того, что знают сегодня историки о планах руководства Германии, не было известно советскому командованию. Очень часто, когда решения принимаются в критической ситуации и в сжатые сроки, бывает далеко не все известно не только о противнике, но и о своих войсках. Поэтому, когда после войны пишут, что были все данные о намерениях Гитлера напасть на Советский Союз, забывают о том, что были и другие донесения: до окончания войны с Англией Германия, мол, не начнет агрессию против СССР. Сильно давил также пресс изоощренной, хитро задуманной дезинформации со стороны германского руководства.

Когда уже в наши дни начинаешь сличать положение сторон в тех или иных операциях, то во многих случаях на германских и наших картах они совершенно различные. До сих пор по-разному сообщаются данные о тех или иных конкретных решениях, военных действиях, их результатах и потерях.

Многие карты и схемы стратегической и оперативной обстановки, положение сторон перед началом и в ходе операции были разработаны у нас уже после войны. С целью соблюдения «секретности» они были основательно выхолощены, и на них остались лишь многочисленные стрелы. Из этих карт и схем нельзя получить представление о группировках наших войск и сил флотов, нумерации объединений и соединений, базировании авиации, тыловых органах, пунктах управления и другие данные о положении и состоянии войск.

«Секретность» давно уже снята, но подготовленные сразу после войны карты и схемы продолжают кочевать из одного издания в другое. Даже историки союзных стран – СССР, США, Великобритании, Франции – по-разному описывают одни и те же боевые действия и операции. В свое время немало было допущено необъективности и предвзятости как со стороны советских историков, так и специалистов из западных стран, поскольку история Второй мировой войны оказалась одним из полей «холодной войны».

* * *

Из ответов Махмута Ахметовича Гареева газете «Красная звезда»

– И в исторической литературе нередко высказывается суждение, что нападение фашистской Германии на нашу страну и подталкивание Западом Гитлера на Восток было вызвано прежде всего стремлением покончить с «коммунизмом». Если бы, дескать, не было у нас советской власти, то на нас и не стали бы нападать. Насколько обоснованно это мнение?

– Такие суждения не имеют под собой никаких объективных оснований. Устремленность германского империализма и порожденного им фашизма на Восток была настолько глубоко заложена в политике фашистской Германии, что она при любых обстоятельствах проводилась бы в жизнь.

Гитлер еще в 1920-е годы в своей книге «Моя борьба» писал: «Когда мы говорим о завоевании новых земель в Европе, мы, конечно, можем иметь в виду в первую очередь только Россию и те окраинные государства, которые ей подчинены... Это гигантское восточное государство неизбежно обречено на гибель. К этому созрели уже все предпосылки. Конец еврейского господства в России будет также концом России как государства. Судьба предназначила нам быть свидетелем такой катастрофы, которая лучше, чем что бы то ни было, подтвердит, безусловно, правильность нашей расовой теории».

Разумеется, если бы руководители Англии, Франции, США того времени были бы более дальновидными (даже с точки зрения сугубо национальных интересов), они бы не потакали нарушению Германией Версальских соглашений, захвату Рейнской области, Чехословакии, Польши, других стран, не пошли бы на Мюнхенское соглашение 1938 года и многое другое, то можно было бы ограничить хотя бы масштабы агрессии. Тем более что последующие события показали возможность и необходимость сотрудничества с Советским Союзом во имя обуздания фашизма. Победа, достигнутая во Второй мировой войне совместными усилиями стран антигитлеровской коалиции при решающей роли Советского Союза, имела всемирно историческое значение. Но после этого последовала «холодная война». Начиная с середины 1980-х годов руководители СССР, затем РФ, якобы желая покончить с этой войной, пошли на беспрецедентные уступки Западу: многократно сократили свои Вооруженные силы, распустили Варшавский Договор, вывели войска из зарубежных стран, смирились с развалом Советского Союза...

Что же мы получили в ответ? Расширение НАТО, новые приступы политического, экономического и информационного давления на Россию и другие страны СНГ, всякого рода «цветные» революции.

В связи с этим нельзя не вспомнить статью русского публициста XVIII века Н.Я. Данилевского «Почему Европа враждебна России». «Россия, – писал он, – говорили на Западе, давит нас своей массой, как нависшая туча, как какой-то грозный кошмар». Ничего не осталось от коммунистической угрозы, а «кошмар» остался. С этой ложной вековой традицией нельзя не считаться. Но России не нужна и конфронтация. Она не должна поддаваться на провокации и спокойно, твердо отстаивать свои национальные интересы. А общие угрозы и интересы выживания в наше сложное время неизбежно вынудят ведущие государства к сотрудничеству, как это случилось во время Второй мировой войны.

– С годами не только не проясняются, но и все больше запутываются вопросы, связанные с началом войны и главным образом с причинами наших неудач в ее начальном периоде. В 1940–1941 годах все только и говорили о надвигающейся войне – и вдруг внезапность нападения. Приходилось слышать мнение: Наркомат ВМФ заблаговременно принял все меры к отражению агрессии, в то время как Наркомат обороны не смог своевременно привести войска приграничных округов в должную боеготовность. По этим вопросам в военно-исторической литературе множество различных версий...

– Для того чтобы лучше понять, что же случилось в 1941 году, нельзя забывать, что до нападения на СССР Гитлер завоевал одиннадцать европейских стран, в том числе Францию, использовал для войны ресурсы практически всей Европы с населением 300 млн человек. Ресурсы, которые Германия могла использовать для ведения войны, возросли почти в 6 раз, в том числе людские в 3,7. Ресурсы каменного угля у Германии увеличились в 1,9, электроэнергии – в 2,7, нефти – в 20, стали – в 2,2 раза. 6,5 тысячи промышленных предприятий оккупированных стран выполняли германские заказы.

Германия захватила около 4,5 тысячи французских, английских, чехословацких, бельгийских танков и другой техники, хотя наши историки все это почему-то не учитывают. 90 дивизий вермахта были оснащены трофейными автомобилями. Для войны против нашей страны было брошено 190 дивизий, 5,5 млн человек, свыше 47 тыс. артиллерийских орудий и минометов, 4,3 тыс. танков, 5 тыс. боевых самолетов. Таким образом, нам пришлось в 1941 году противостоять огромной, небывалой в истории военной силе.

Сложной, запутанной и во многом неопределенной оставалась военно-политическая обстановка, что затрудняло принятие адекватных стратегических решений. Не было полной ясности в позиции Великобритании и США. Полет Гесса в Англию в мае 1941 года означал, что Гитлер еще не терял надежды договориться с Лондоном, что грозило Советскому Союзу остаться в полной изоляции перед лицом надвигающейся агрессии на Западе и Востоке.

В этой неустойчивой военно-политической обстановке особенно важно было учитывать позицию США. В мае 1941 года на совещании начальников штабов Рузвельт говорил, что «если Сталин не спровоцирует нападение Германии, то США поддержат СССР. В противном случае – не будут вмешиваться».

Первостепенное значение в этих условиях приобретала максимальная осторожность в политике и военно-стратегических шагах, чтобы ни при каких обстоятельствах, ни под каким видом не дать ни малейшего повода для обвинения нашей страны в развязывании войны. Этой политической цели было подчинено все, в том числе стратегические решения, связанные с приведением Вооруженных сил в готовность к отражению агрессии.

Кроме того, со стороны фашистского руководства проводилась широкомасштабная, изощренная дезинформация. Прежде всего, продолжала имитироваться подготовка к высадке германских войск на территорию Англии. Геббельс подготовил специальную статью в газете, которая, дав статье огласку, наутро была конфискована. Гитлер предлагал провести международную конференцию с участием СССР по проблемам предотвращения войны. Сосредоточение крупных группировок войск на Востоке объяснялось интересами ведения войны в Югославии и Греции, необходимостью вывести их из-под ударов британской авиации.

Поступали, конечно же, разведдонесения, в том числе от Зорге, о возможном нападении Германии. Но не меньше было и донесений противоположного характера. Советский посол в Лондоне И.М. Майский за несколько дней до войны докладывал, что Гитлер может выступить против Советского Союза только после окончания войны с Англией. К такому же выводу приходил начальник Разведуправления Генерального штаба Ф.И. Голиков.

Вообще распространенный в те времена стереотип о невозможности ведения войны Гитлером одновременно «на двух фронтах» был надуманным. В отличие от Первой мировой войны в 1941 году никаких «двух фронтов» для Германии, по существу, не было. После пора-

жения Франции в июне 1940 года Англия находилась за Ла-Маншем и континентальной угрозы для Германии не представляла.

Сталин, будучи уверенным, что ему все же удастся оттянуть начало войны, поручил ТАСС сделать сообщение от 13 июня 1941 года, в котором выражалась уверенность, что германо-советский пакт о ненападении будет и впредь соблюдаться как советской, так и германской сторонами. Это было сделано с целью политического зондажа, но своей стороне, командованию военных округов никаких объяснений на этот счет не последовало, что дезориентировало как общество, так и личный состав армии и флота.

В какой-то мере на Сталина, видимо, произвело впечатление письмо Гитлера, присланное ему 14 мая 1941 года. Гитлер писал: *«При формировании войск вторжения вдали от глаз и авиации противника, а также в связи с недавними операциями на Балканах, вдоль границы с Советским Союзом скопилось большое количество моих войск, около 80 дивизий, что, возможно, и породило циркулирующие ныне слухи о вероятном военном конфликте между нами.*

Уверяю Вас честью главы государства, что это не так. Со своей стороны я тоже с пониманием отношусь к тому, что Вы не можете полностью игнорировать эти слухи и также сосредоточили на границе достаточное количество своих войск.

Таким образом, без нашего желания, а исключительно в силу сложившихся обстоятельств, на наших границах противостоят друг другу весьма крупные группировки войск. Они противостоят в обстановке усиливающейся напряженности слухов и домыслов, нагнетаемых английскими источниками.

В подобной обстановке я совсем не исключаю возможности случайного возникновения вооруженного конфликта, который в условиях такой концентрации войск может принять очень крупные размеры, когда трудно или просто невозможно будет определить, что явилось его первопричиной. Не менее сложно будет этот конфликт и остановить.

Я хочу быть с Вами предельно откровенным. Я опасюсь, что кто-нибудь из моих генералов сознательно пойдет на подобный конфликт, чтобы спасти Англию от ее судьбы и сорвать мои планы.

Речь идет всего об одном месяце. Примерно 15–20 июня я планирую начать массированную переброску войск на запад с Вашей границы.

При этом убедительнейшим образом прошу Вас не поддаваться ни на какие провокации, которые могут иметь место со стороны моих забывших долг генералов. И само собой разумеется, постараться не дать им никакого повода. Если же провокации со стороны какого-нибудь из моих генералов не удастся избежать, прошу Вас, проявите выдержку, не предпринимайте ответных действий и немедленно сообщите о случившемся мне по известному Вам каналу связи».

Некоторые историки, журналисты до сих пор продолжают утверждать, что никакой внезапности нападения не было. Но фактор внезапности не есть нечто абстрактное, он возникает и дает о себе знать в зависимости от того, как люди и прежде всего руководство воспринимают данные об обстановке и назревающую угрозу.

В мае – июне 1941 года правительством СССР были приняты решения по частичному отмотилизованию 800 тыс. человек для доукомплектования приграничных военных округов, выдвигались из глубины несколько резервных армий, за несколько дней до войны начали выдвигаться ближе к госгранице мехкорпуса и некоторые танковые дивизии, как, например, дивизия И.Д. Черняховского в ПрибВО.

Вместе с тем дивизии первого эшелона, расположение которых проглядывалось противником, не были приведены в полную боевую готовность. К началу войны в большинстве своем они оставались в пунктах постоянной дислокации и не успели занять назначенных оборонительных рубежей. К тому же на главных направлениях противник создавал 5—6-кратное пре-

восходство в силах и средствах. В результате войска первого эшелона сразу же попали в крайне тяжелое положение. В этом одна из главных причин наших неудач и поражений в начале войны.

Сталин был в принципе прав, утверждая примат политики над военной стратегией, когда стремился любой ценой оттянуть начало войны и интересам направленной к этому политики подчинил все свои решения и действия. Но один из исторических уроков 1941 года и состоит в том, что политики в чистом виде не существует, политика жизненна только тогда, когда она учитывает в совокупности не только сугубо политические, но и другие факторы, в том числе военно-стратегические.

– *Но существуют и другие версии начала войны. Указывается, что не все зависело от Сталина и политического руководства. Многие могли сделать по своей инициативе для повышения боевой готовности войск Наркомат обороны, Генштаб, командующие войсками военных округов, как это сделали Наркомат ВМФ или, например, командование войсками Одесского военного округа. Каково ваше мнение на этот счет?*

– Разных версий о начале войны действительно немало. Известна «версия», сводящаяся к тому, что Сталин якобы готовил удар по Германии и Гитлер его просто упредил, нанеся превентивный удар. Но это повторение того, о чем уже говорил Геббельс, и ничего нового не содержит. В свете изложенного выше Сталин ни в коем случае не мог пойти на это. Даже когда война уже началась, на следующий день по указанию Сталина войскам был отдан приказ разгромить прорвавшиеся группировки противника, но госграницу не переходить. Вдумаемся: как можно заранее готовить превентивный удар и запрещать войскам переходить госграницу. Немыслимо это.

Справедливости ради надо сказать, что накануне войны, особенно в мае – июне 1941 года, нарком обороны, Генштаб неоднократно выходили с предложениями о приведении войск в боевую готовность. Именно по их настоянию были осуществлены перечисленные выше меры по частичному отмотилизованию войск, выдвижению резервных армий. Но их более радикальные предложения по повышению боевой готовности войск отвергались. Строго пресекались и направленные к этому инициативные предложения командующих войсками округов. В полосе Киевского особого военного округа некоторые командиры по своей инициативе решили выдвинуть подразделения для занятия подготовленных оборонительных сооружений в пограничной полосе. Но по указанию «сверху» распоряжением начальника Генштаба все эти решения были отменены.

Командир 125-й стрелковой дивизии генерал-майор П.П. Богайчук 18 июня доложил командующему войсками Прибалтийского военного округа, что противник изготвился к нападению и может упредить наши войска в занятии укрепленных позиций. Он просил дать указание, как этого не допустить, или дать ему право самому принять неотложные меры. Комдив получил такой ответ от командующего войсками Ф.И. Кузнецова: *«Больше выдержки. Силы и средства у вас есть. Крепко управлять. Не нервничать...»* Командир артиллерийского полка 10-й армии 17 июня 1941 года на партсобрании сказал: *«Может быть, это наше последнее собрание в мирных условиях»*. Его обвинили в панических настроениях и арестовали.

В исторической литературе, в воспоминаниях некоторых ветеранов утверждается, что в Одесском военном округе по инициативе начальника штаба округа авиацию своевременно рассредоточили, войска привели в боевую готовность, и поэтому больших потерь не было. Это типичный пример, когда суждения строятся на основе однажды запущенных стереотипов, мифов, а не анализа конкретных условий обстановки.

Конечно, инициатива, проявленная в ОДВО или ВМФ, должна служить примером. Но в полосе Южного фронта не было таких массированных ударов, как в полосе Западного или Юго-Западного фронтов, и противник на этом направлении перешел в наступление через несколько дней после начала войны. Если бы даже не были приняты указанные выше меры, результат был бы тот же.

Или как мог главком ВМФ Н.Г. Кузнецов, как часто пишут, привести флоты «в полную боевую готовность»? Для этого нужно провести мобилизацию. Но она невозможна без решения политического руководства, Генштаба, наконец, без военных комиссариатов. Но в то же время фактом является то, что в Главном штабе ВМФ была разработана четкая система оповещения и приведения сил флота в высшие степени боевой готовности. Флоты были в короткие сроки оповещены и приведены в готовность к ведению боевых действий.

Реально в 1941 году военно-политическое руководство лишь к исходу 21 июня приняло решение, направленное на приведение пяти приграничных военных округов в боевую готовность. Но И.В. Сталин все еще надеялся, что нападения не будет. Директива, по существу, не давала разрешения на ввод в действие плана прикрытия в полном объеме. В ней предписывалось «не поддаваться ни на какие провокационные действия». В пункте «а» директивы от 21 июня 1941 года сказано: *«В течение ночи 22 июня 1941 года скрытно занять огневые точки укрепленных районов на государственной границе»*. А что делать полевым и всем другим войскам, производить или нет оперативное развертывание, не определялось.

Если бы, как планировалось, в округа был направлен заранее установленный сигнал: «Приступить к выполнению плана прикрытия 1941 года» или, как сделал нарком ВМФ, перейти на оперативную готовность № 1, то на оповещение войск ушло бы всего 25–30 минут. Но поскольку в округа была направлена директива, которая ограничивала приведение в действие оперативных планов (следовательно, во всех инстанциях ее нужно было расшифровывать и снова зашифровывать), то на оповещение и постановку задач ушло 3–5 часов, а многие соединения никаких распоряжений вообще не получили, и сигналом боевой тревоги для них стали разрывы вражеских бомб и снарядов. Поэтому сегодняшние рассуждения некоторых историков о том, что надо было на всех уровнях проявлять инициативу, в принципе верны, но не учитывают реально существовавшую в то время атмосферу.

Когда в исторических трудах справедливо отмечают, например, что соединения и части не были доукомплектованы личным составом и техникой до штатов военного времени, новые образцы танков и самолетов распылены, а не направлены для формирования хотя бы нескольких боеспособных соединений, что полевая и зенитная артиллерия была оторвана от своих дивизий и отправлена на полигоны и о многих других подобных упущениях, то при отвлеченном подходе к этим вопросам, в отрыве от конкретных условий, в которых подобные решения принимались, все это выглядит как сплошная, ничем не объяснимая глупость, безответственность и головотяпство.

Но ведь сознательно, специально заведомо глупых решений никто не искал. Все, как это нередко бывает и сегодня, хотели сделать как лучше. Стремясь оттянуть начало войны и не спровоцировать ее, не предпринимали мобилизацию, поэтому остались неукомплектованными соединения. Раздали по 10–15 новых танков и самолетов вновь формируемым танковым и авиационным дивизиям, чтобы они хоть как-то могли осваивать новую технику. И артиллерию вывели на полигоны потому, что сформировали много новых артиллерийских частей, а с приходом в Западную Белоруссию и Западную Украину они еще ни разу не стреляли. И многое другое делалось исходя из того, что есть еще время и для подготовки войск, и для возвращения артиллерии с полигонов.

Но времени, на которое рассчитывали, как раз и не оказалось. Ибо Гитлер тоже при всей авантюристичности своей политики понимал, что время работает против него и нужно нападать в середине 1941 года, так как потом будет уже поздно.

– *А была ли возможность предотвратить войну? Насколько основательны разговоры насчет того, что советское руководство преднамеренно сорвало переговоры с Англией и Францией в 1939 году?*

– До Мюнхена 1938 года были еще надежды и вполне реальные шансы на создание коллективной системы обороны в Европе и обуздание фашистской агрессии. После Мюнхенского

соглашения Англии и Франции с Германией и санкционирования ими захвата Чехословакии и вообще экспансии Гитлера на Восток вторая мировая война по существу стала неизбежной.

Что касается переговоров СССР с Англией и Францией, то может советское правительство и не проявило должной последовательности и гибкости, но главная вина за их срыв лежит на руководителях западных держав того времени. Судите сами. Во главе английской делегации в Москву на переговоры направили третьестепенное лицо, не имевшее даже официальных полномочий на ведение переговоров. Могут ли переговоры считаться полезными в этих условиях? Причем англо-французская делегация добиралась в Москву на тихоходном пароходе, не спеша.

Когда Риббентропу нужно было заключить соглашение, он сел в самолет и через несколько часов был в Москве. В ходе переговоров, требуя гарантий со стороны СССР, делегации западных стран не хотели брать на себя никаких обязательств, то есть делалось практически все, чтобы переговоры кончились ничем. Одновременно в Англии готовились принимать Геринга. Устраивались и другие закулисные дипломатические игры, которые продолжались вплоть до полета Гесса в Англию. И неслучайно дело Гесса до сих пор остается там засекреченным.

– Ну а как насчет непотопляемого тезиса о том, что Сталин якобы сам готовил удар по Германии, и Гитлер был вынужден предпринять превентивный удар, чтобы упредить советское нападение.

– На этот вопрос ответила сама историческая действительность. Факт неприкрытой агрессии со стороны нацистской Германии юридически установлен международным Нюрнбергским трибуналом. В приговоре Нюрнбергского трибунала сказано: «22 июня 1941 года без объявления войны Германия вторглась на советскую территорию в соответствии с заранее подготовленными планами. Доказательства, представленные трибуналу, подтверждают, что Германия имела тщательно разработанный план сокрушить СССР как политическую и военную силу для того, чтобы расчистить путь для экспансии Германии на Восток в соответствии с ее стремлениями».

Все документы, исторические факты и логика развития событий в тот период полностью опровергают утверждения о вынужденном характере начала войны со стороны Германии, убедительно свидетельствуя об их несостоятельности и надуманности. Немецкий историк Иоганес Цукертот справедливо отмечал, что гитлеровская выдумка о превентивной войне преследовала две цели: во-первых, придать нападению на Советский Союз хоть какую-то видимость морального оправдания, во-вторых, спекулируя на антикоммунизме, попытаться привлечь на свою сторону западные державы в качестве союзников для разбойничьего «похода на Восток».

Как бы ни вел себя Советский Союз, что бы он ни делал, нападение на него все равно состоялось бы. План «Барбаросса» был разработан еще в 1940 году. Обратите внимание: бесповоротное решение об агрессии принято Гитлером задолго до того, как состоялось выступление Сталина 5 мая 1941 года и началась переброска советских войск на Запад. И менять свое решение Гитлер не собирался.

– Какими были планы советского командования, предусматривало ли оно при определенных условиях упреждающий удар по Германии?

– Главная военно-политическая цель советского руководства состояла в том, чтобы любой ценой избежать войны или хотя бы оттянуть ее до 1942 года, чтобы выиграть время и завершить подготовку страны и Вооруженных сил к обороне. В случае нападения фашистской Германии на СССР стратегическим планом предусматривалось вначале силами армий прикрытия отразить наступление противника, обеспечить развертывание главных сил и затем переходить в решительное наступление. Была подготовлена и записка Жукова от 15 мая 1941 года, как один из возможных вариантов действий Вооруженных сил, где предлагалось (после создания необходимых группировок войск и их соответствующего материально-технического

обеспечения) нанести упреждающий удар с целью срыва агрессии со стороны Германии. Но этот план не был принят Сталиным, ибо политически для нас такие действия были невыгодны: это сближало бы наших потенциальных союзников с Германией.

Версию о готовившемся упреждающем ударе с советской стороны некоторые авторы пытаются обосновать тем, что войска фронтов не располагались в оборонительной группировке, что не были подготовлены и оборудованы в инженерном отношении оборонительные рубежи в глубине. Но все это не имеет прямого отношения к идее упреждающего удара. Эти упущения связаны с устарелым представлением о характере военных действий в начальный период войны и общей недооценкой в предвоенные годы оперативной и стратегической обороны. Ведь не только оборонительные, но и наступательные операции не были подготовлены должным образом. Как вообще можно переходить в наступление, имея впереди не мощные ударные группировки, а растянутые вдоль границы части прикрытия?

Следовало бы задуматься и над таким парадоксальным фактом: накануне войны в полосу приграничных военных округов перебрасывалось несколько армий из глубины, в то время как соединения первого эшелона не приводились в полную боевую готовность, они не занимали обороны на назначенных рубежах. Судя по опровержению, которое было дано ТАСС 9 мая 1941 года, можно предположить, что переброска резервных армий из глубины, которая даже не маскировалась, а как бы специально демонстрировалась этим «опровержением», была больше политической, а не военной акцией с целью оказать сдерживающее влияние на военные приготовления Германии. Кстати, Сталин и военные приготовления Германии рассматривал больше как средство политического давления на СССР с тем, чтобы добиться от него далеко идущих уступок.

– Иногда пишут и говорят, что наша страна вообще не была подготовлена к войне. Вместе с тем, как свидетельствует историческая литература, как уверяют многие люди старшего поколения, весь народ жил в то время мыслями о назревавшей войне и направлял все усилия на укрепление обороны страны...

– После Гражданской войны самоотверженными усилиями народа была осуществлена индустриализация страны, армия и флот получили новые виды оружия – танки, самолеты и другую технику. Наряду с высоким патриотизмом населения это стало важнейшим условием того, что наша страна выстояла в этой войне. Были, конечно, и крупные ошибки руководства, военного командования, большой ущерб моральному состоянию армии и ее боеспособности нанесли репрессии 1937–1938 годов.

Но в целом, несмотря на крупные упущения и обстановку, затруднявшую подготовку войск к отражению агрессии, советским командованием накануне войны был все же осуществлен ряд кардинальных мер по усилению боеспособности Вооруженных сил, и в первую очередь западных военных округов. С 1939 года Красную Армию перевели на кадровую систему, и ее численность в 1941 году увеличилась с 2 млн до 5 млн человек. В 1941 году осуществлен призыв на учебные сборы около 800 тыс. военнообязанных запаса, что было равносильно частичной мобилизации. В состав западных округов было переброшено 28 дивизий из восточных районов страны.

Удалось существенно увеличить производство новых образцов вооружения. Усиленными темпами продолжалось оборонительное строительство. Уточнялись оперативные и мобилизационные планы в соответствии с изменившимися условиями обстановки. Советско-финская война имела не только отрицательные военно-политические последствия. Опыт этой войны сыграл и положительную роль.

Более объективно и остро стала оцениваться боеспособность Красной Армии, и на этой основе были приняты срочные меры по устранению выявившихся недостатков и слабых мест в ее строительстве и подготовке. Под руководством нового наркома обороны Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко особенно много было сделано по укреплению единонача-

лия, порядка и воинской дисциплины, активизации и максимальному приближению обучения войск к условиям боевой действительности.

Военачальники в своих воспоминаниях, историки называют много причин неудач нашей армии в 1941 году: и то, что неправильно было выбрано направление сосредоточения основных усилий (основные силы советских войск были сосредоточены на Украине), недоукомплектованность соединений и частей личным составом и техникой, неудачное базирование авиации и материальных запасов... Все это имело место и оказало отрицательное влияние на общую стратегическую обстановку в 1941 году. Но, на мой взгляд, не имело столь решающего значения, как иногда изображается.

Когда-то Петр I подходил на корабле к одной крепости на Балтийском море, и комендант крепости не устроил положенного салюта в честь императора, последний, разгневанный этим, схватил коменданта за горло и спросил: почему не было салюта? Последовал ответ: «На это было 12 причин: во-первых, не было пороха...» Петр I тут же прервал допрос: «Хватит! Остальные причины уже не имеют значения».

– *Какой фактор в 1941 году можно приравнять к отсутствию пороха?*

– Главной причиной наших неудач было то, что Сталин, надеясь политическими мерами оттянуть войну хотя бы на 1–2 года и всячески стремясь ее не спровоцировать, вплоть до 21 июня 1941 года не разрешал приводить войска приграничных военных округов в полную боевую готовность. Поэтому к моменту вражеского нападения они оказались на положении мирного времени и не могли своевременно занять предназначенные оборонительные рубежи и оказать организованное сопротивление противнику. Именно это, убежден, и привело к большим потерям в первые же дни войны, особенно в авиации.

Нарком обороны С.К. Тимошенко и начальник Генштаба Г.К. Жуков, командующие войсками округов неоднократно ставили вопрос о повышении боевой готовности. Но все их предложения в то время отвергались, а попытки командиров что-то сделать по своей инициативе жестко пресекались. Сталин приказал наркому внутренних дел следить за выдвижением даже отдельных подразделений к госгранице и докладывать ему об этом.

10 июня 1941 года Генштаб был вынужден направить военному совету КОВО следующую телеграмму: *«Донесите для доклада наркому, на каком основании части укрепленных районов КОВО получили приказ занять предполье. Такое действие может немедленно спровоцировать немцев на вооруженное столкновение и чревато всякими последствиями. Такое распоряжение немедленно отмените и доложите, кто конкретно дал такое самочинное распоряжение. Жуков».*

В связи с тревожной обстановкой некоторые командиры ставили вопрос о нецелесообразности отправки на учебные сборы артиллерии и зенитных средств, но были отстранены от должностей за «панические настроения». Накануне войны германские разведывательные самолеты осуществляли систематические полеты над советской территорией, но Сталин требовал эти самолеты не обстреливать. Были даже случаи, когда они садились на советские аэродромы, их дозаправляли и отправляли обратно. Некоторые командующие (в частности, М.П. Кирпонос) просили у Москвы разрешения хотя бы предупредительным огнем препятствовать действиям немецких самолетов. Ответом им было: «Вы что, хотите спровоцировать войну?»

Поэтому, когда некоторые историки говорят лишь о всеобщей безответственности и головотяпстве, якобы царивших в войсках, они упрощают и искажают действительную обстановку того времени.

– *Часто в исторической литературе отмечается, что мы имели танков, самолетов значительно больше, чем немцы. Почему, на ваш взгляд, мы столь нерационально использовали наше преимущество?*

– Да, в таких разговорах недостатка нет. Чего они стоят, рассмотрим на примере танков. К июню 1941 года в Красной Армии действительно числилось свыше 15 тыс. исправных тан-

ков. Часть из них находилась в войсках, дислоцированных в восточных и южных округах. До 60–70 процентов всех имевшихся танков были не только устаревшими, но и со значительно выработанными ресурсами. Таких танков было немало и в германской армии, но их обычно не учитывают.

Принято считать, что к 1 июня 1941 году в германской армии было 5639 танков. Но 12 танков Т-I и Т-II в это число не включены. Не учитываются захваченные фашистской Германией французские, английские и польские танки – их было около 4100. Если учесть также захваченные чехословацкие, бельгийские, голландские и другие танки, то их общее количество составит не менее 12 тысяч.

Часть трофейных и списанных из боевого состава легких танков использовалась в войсках, действовавших во Франции, на Балканах, поэтому и не принято их учитывать в соотношении сил и средств на германо-советском фронте. Но так же бессмысленно считать общее количество устаревших, небоеспособных легких танков и танкеток в составе советских войск, разбросанных по различным ТВД.

– При неудачном начале войны какой фактор стал главным, обеспечившим срыв германского плана молниеносной войны?

– Прежде всего мощный экономический и военно-промышленный фундамент, созданный еще до начала войны. Надо сказать и моральном факторе. Хотя сейчас любое доброе слово о наших делах в прошлой войне вызывает недоверие и даже насмешки, участники войны хорошо знают, что и в самые трудные дни подавляющее большинство советских людей не оставляла вера в победу. Об этом свидетельствует массовый героизм уже в самые первые дни войны, именно в те дни, когда немцы рассчитывали морально сломить наших людей и парализовать их волю к сопротивлению. Хотелось бы, чтобы и сегодня мы почаще задумывались над этим.

«На нас напала практически вся Европа...»

Собеседник – доктор исторических наук Юрий Жуков

– Юрий Николаевич, интерес к событиям Великой Отечественной войны, причинам наших неудач в ее начальный период в обществе не угасает. Видимо, интерес этот не праздный. На эту тему много по-прежнему пишут и Западе...

– Там, скорее, в подоплеке идеология. Известно: американцы считают, что это они выиграли войну. Стандартный школьный учебник США в главе, посвященной Второй мировой войне, утверждает, что когда Германия напала на Польшу, то Англия и Франция попытались ее спасти, но не получилось, и тогда в Европе пришлось высадиться американцам и разбить немцев. Все! О Советском Союзе вообще ни слова! Только через две главы, когда речь заходит о «холодной войне», отмечается, что мы, воспользовавшись войной, оккупировали Восточную Европу.

– Разве это плохо для самих американцев – чувствовать себя самыми-самыми, пусть даже вопреки исторической правде?

– Американцы не хотят трезво оценить свою политику, военную доктрину и собственную армию. Кстати, не в пример американцам англичане к истории Второй мировой войны относятся честно и достойно.

– Почему в июне 41-го события стали развиваться так драматически для нас?

– Российским политологам и журналистам, которые изгаляются над нашим прошлым, нужно напомнить, что в 1941-м на нас напала не одна лишь Германия – как она в 1939-м нападала в одиночку на Польшу, потом на англичан и французов в Европе летом 1940-го...

– Можно ли считать союзниками нацистской Германии покоренные страны?

– И все-таки на нас напала практически вся Европа! Кроме вермахта, на нас пошла финская армия, румынская, венгерская, словацкая, итальянская... Добавьте сюда испанскую «Голубую дивизию», добровольцев из Франции, Бельгии, Голландии, Норвегии. Даже Норвегии, которая одной ногой как бы была с союзниками! На Восточный фронт все же посылали норвежских эсэсовцев, а норвежские суда везли в Германию железную руду... Прямо-таки повторение войны 1812 года! С поправкой на реалии XX столетия, конечно.

– Действительно, похоже на нашествие «двунадесяти языков».

– Кстати, подсчитывая немецкие дивизии, наши журналисты и «телеисторики» обычно забывают румынские, венгерские, итальянские, голландские, бельгийские и прочие соединения, воевавшие на Восточном фронте. При этом Германия, подчеркнем это, напала, когда мы действительно еще не были готовы к войне. Если посмотреть документы Комиссии, а потом Комитета обороны при Совнаркоме СССР...

– Она до войны существовала?

– Да, конечно, а с началом войны, с 30 июня, все на себя взял ГКО. А это был орган Совнаркома, как бы согласовательный между Наркоматом обороны и Наркоматом военно-морского флота, с одной стороны, и наркоматами, производившими вооружение, – с другой. Эта Комиссия обороны могла «вызвать на ковер» и наркома, и любого его заместителя... Так вот, все наши планы по созданию современных вооружений были рассчитаны на конец 1942 года (в начале 1930-х годов при СНК СССР была создана постоянная Комиссия обороны, в 1937 году – Комитет обороны вместо распущенного в апреле 1937 года Совета труда и обороны; Комитет обороны возглавлял по май 1940 года В.М. Молотов, затем К.Е. Ворошилов. – Авт.).

– Из-за уверенности, что до этого войны удастся избежать?

– Не из-за уверенности, а из-за надежды оттянуть начало войны! У нас говорят: «Сталин вбил себе в голову, что война начнется через два года!» Нет, дело совсем в другом. Понятно ведь, что, не имея металлургической промышленности – комбинатов Магнитогорского, Кузнецкого, Запорожского, нельзя было создавать тракторные заводы, которые в конце второй пятилетки стали танковыми. Поэтому все расчеты 1938–1939 года, исходя из возможностей промышленности, ориентировались на 1942 год.

– *То есть все-таки планомерная подготовка к началу войны уже велась?*

– Я бы столь уверенно не говорил. Не так давно почти полностью рассекретили материалы Комиссии, Комитета обороны. Когда я их увидел, то ужаснулся и понял, что те, кто устоял в 1941 и 1942 годах, – герои, которым нужно ставить памятник из золота! Ведь такое было разгильдяйство в нашей военной экономике – не потому, что там были плохие люди, а потому, что шел период становления. Представьте: завод выполняет военный заказ, допустим, на самолеты – и вдруг в последнюю минуту оказывается, что ему не поставляют резиновых втулок, которые производит какая-то заурядная артель! Начинается переписка, выяснение, кто виноват, но главное, надо же получить недостающие детали. И на все это уходило и три, и шесть, и девять месяцев!

– *Получается, что к началу 1930-х годов оборонной промышленности в СССР фактически не было?*

– Так ведь и у царской России ее к началу Первой мировой войны по сути не было! Неслучайно в октябре 1914 года военный министр пришел в Госдуму – об этом Милюков вспоминает – и сказал: «Спасайте! Патронов и снарядов осталось на три дня!» А почему так? Да потому, что мы тогда думали, что через две недели войдем в Берлин! Поэтому все первые месяцы Мировой войны добывали оружие, патроны и снаряды за рубежом – в Японии, Англии, Америке, где только можно. Перед этим мы не были готовы и к Русско-японской войне... Такое же положение сохранялось до 1930 года. Если нет тяжелой промышленности, нет нормальной металлургии, нет станкостроительной промышленности – что можно создавать?

– *Но ведь это же только основа...*

– Да, нужно еще было изобрести танк, самолет, пушку. Что мы для этого делали? Поначалу – скажем, в танковой промышленности – закупали в Англии, во Франции, в Америке один-два экземпляра, считая, что это новейшие достижения. Дома все разбирали до винтиков, пытались создать нечто идентичное...

– *Ну да, наши «бэтушки» создавались на основе американского танка «Кристи», а Т-26 – английского «Виккерса»...*

– Правильно. Откуда же возьмется инженер, конструктор танков, если он никогда их не делал? Гражданская война в Испании – великолепный полигон – показала, что все, что мы считали своими достижениями, ни к черту не годится! Что в области создания вооружения мы идем совсем не туда... Мы убедились, что наша авиация многократно слабее немецкой, что танки не соответствуют уровню, достигнутому немецкой танковой промышленностью.

– *Сейчас нередко напоминают, что в 1941-м у немцев в основном были легкие Т-1 и Т-II, а у нас уже и Т-34, и КВ...*

– К 22 июня в Красной Армии были 636 танков КВ-1 и 1225 – Т-34, разработка которых началась в 1937 году. А немецкие Т-III и Т-IV разрабатывались с 1934-го, и, главное, их производство давно уже было поставлено на поток! И в авиации Германия имела бесспорное превосходство... Так что Сталин, стремясь оттянуть начало войны, реально просчитывал возможности нашей промышленности, которая позволяла нам обрести такую же военную мощь, как у немцев, лишь к концу 1942 – началу 1943 года.

– *Тогда же решались и вопросы развития флота?*

– Еще в феврале 1931 года именно Сталин подал в Политбюро записку «Об охране Северного побережья», на основе которой и был создан Северный флот... А перед войной в Моло-

товске, теперь – в Северодвинске, по программе военно-морского судостроения должны были заложить авианосец, заложили два линкора – «Советская Россия» и «Советская Белоруссия», тяжелые крейсера. Когда началась война, все это пустили на изготовление эсминцев – их можно было сделать быстрее и числом побольше. Если бы мы успели создать тот флот, который замыслили в 1938 году на Севере, не было бы никаких проблем с полярными конвоями!

– Известно, что войну стремились отодвинуть политическими методами, что сейчас осуждается с разных сторон.

– А почему? Действительно, 23 августа 1939 года с Германией был подписан Пакт о ненападении – такой же, какой имели с ней Польша, Дания, ряд других стран. Был же и Мюнхенский договор, когда англичане и французы открестились от нас, от совместной борьбы против Гитлера, отдав ему на растерзание Чехословакию. Именно это и только это привело к Пакту о ненападении между Германией и СССР, потому что до последнего момента мы были в военном союзе с Парижем и Лондоном, но они отказали нам в этом союзе. Недаром же на Нюрнбергском процессе наша делегация заключила с американской, английской и французской делегациями джентльменское соглашение: они не вспоминают о пакте 1939 года, мы – про «Мюнхенский сговор». Честное соглашение: вы сделали гадость – мы были вынуждены сделать тоже не очень хорошее дело, вот и квиты. Зато теперь, когда потоком льют грязь на наше прошлое, без конца упоминая пакт Молотова – Риббентропа, о Мюнхене вообще не вспоминают. Кстати, тогда Чехословакию рвали на куски не только немцы. Поляки отхватили Тешенскую область, венгры – Южную Словакию и Закарпатье... Так что мы мало отличались от своих соседей по Европе, пытались сохранить нейтралитет в случае грядущей войны в Европе.

– Вы считаете, это было реально?

– Вполне! К тому же Сталин был уверен, что французы и англичане провоюют по меньшей мере два года – по опыту Первой мировой. Он не думал, что их так мгновенно расколошат, что англичане бросят даже каски и будут удирать из Дюнкерка, что Петен поспешит войти в тот же вагон, где подписывался мир в 1918 году, чтобы смиренно подписать капитуляцию... Такое ему в голову не приходило! Не думал он, что они настолько слабы! Англия и Франция казались ему мощными в военном отношении странами.

– Тем временем СССР продолжал подготовку к войне по всем направлениям...

– Да, уже через пять дней после подписания Пакта о ненападении нарком ВМФ Кузнецов подает в Совнарком записку о необходимости высадить на Шпицбергене летчиков и моряков, создать там базы. Если мы этого не сделаем, то это сделают немцы, отрежут нам путь на Запад, к нашим – дальше следует смешное слово – «нейтралам». Война еще не началась, нельзя было говорить ни о союзниках, ни о противниках.

– Но этого ведь не сделали – не высадились на Шпицберген. По какой причине?

– К сожалению, документ попал на исполнение к Микояну, который ничего не понимал ни в военных, ни в морских делах и гарантировал, что шахты «Арктикугля» на Шпицбергене будут продолжать работу. Он решил, что только это и требуется. Через год, в 1940-м, опять же в августе, Наркомат иностранных дел подает вверх ту же записку: необходимо занять Шпицберген...

– Но уже было поздно: Норвегию оккупировала Германия.

– Да, наша высадка на Шпицбергене означала бы начало войны. Вот вам и вся «агрессивная политика» СССР в 1940 году!

– Кстати, после 22 июня идея высадки на норвежской территории полностью отпала?

– Нет, мы неоднократно заявляли о желании это сделать: Молотов и Сталин настаивали на этом во время переговоров с Иденом и Черчиллем, предлагали высадиться в районе Петсамо – Киркинес, но англичане не захотели.

– Ладно, оставим союзников. Давно и много говорят о том, что после нападения Германии на Советский Союз Сталин якобы растерялся...

– ...и впал в прострацию? Это не так. Просто человек, который ощущал свою ответственность за подготовку страны к обороне, который делал все, чтобы отодвинуть войну, но не смог это сделать по объективным причинам, оказался в подавленном моральном состоянии. Все разговоры о том, что когда к нему приехали Молотов, Берия, Маленков и Микоян, то Микоян якобы прочитал в глазах Сталина страх: а не арестуют ли? Сущая чепуха, чистый вымысел!

– Но ведь Микоян примерно так написал? Почему?

– Это за него придумали! В 1972 году я с ним готовил для АПН (Агентства печати Новости. – *Ред.*) материал, который впоследствии стал главой воспоминаний Анастаса Ивановича, и по личной практике знаю, что сам он ничего никогда не писал. Не умел, не дано было! Он был талантливым государственным деятелем, но написать даже одну страницу не мог! Он предлагал другим, если речь шла о воспоминаниях, сделать подоснову, а сам, прочитав, вносил какие-то живые моменты...

– Вы с ним о начале войны не говорили?

– Говорил! Он рассказывал о начале войны, о ГКО, но ни слова – о том самом страхе Сталина. Это появилось гораздо позже, может быть, уже и после смерти Анастаса Ивановича.

– Как вы относитесь к расхожему утверждению о том, что Сталин не верил сообщениям разведки?

– Это опять же ложь – по незнанию или сознательно! Дело в том, что руководители нашей разведки – и военной, и НКВД – после начала Второй мировой войны стали очень опасаться за свою карьеру. И вместо того, чтобы, как это и положено, получив все донесения, анализировать их, выявлять, какие сведения ошибочны, какие – нет, делать какие-то выводы и рекомендации, и именно их представить наверх, в том числе Сталину, они заваливали его первозданной информацией из Европы. А информация была противоречивой. Одни утверждали, что война будет, другие – что нет.

– Есть точка зрения, что это не разведка все давала, а Кремль требовал всю получаемую информацию...

– Аналитические службы ведь были – они задним числом пытаются сейчас себя обелить!

– Все же, на чем основывалась точка зрения, что Германия не нападет на СССР в ближайшее время?

– «Битва за Британию», пожар в Лондоне, полыхавший почти всю зиму 1940–1941 года... Черчилль, став премьером, понял, что Англии не устоять даже при поддержке Штатов. Он знал, что война между Германией и СССР неминуема, и поспешил ее ускорить. Он предпринял весьма хитрую акцию, которая давным-давно описана в английских книгах... Черчилль попросил свою разведку подготовить от его имени письмо Гитлеру, в котором он якобы выражал готовность начать переговоры о заключении мира. Условием таких переговоров было нападение Гитлера на СССР. Отсюда и полет Гесса в мае 1941 года, суть которого англичане до сих пор отказываются раскрыть – ни одного документа в связи с этим не опубликовано.

– По распоряжению Маргарет Тэтчер срок секретности этих документов продлен до 2017 года...

– А ведь Гесс полетел в Англию, чтобы вести эти переговоры уже за конкретным столом – все обговорить, подготовить тексты. Наша разведка получила сообщение о переговорах Черчилля с Гитлером. Как должны были в Кремле расценивать это? Как должны были после этого относиться к сообщению Черчилля о том, что немцы вот-вот нападут на нас?

– Получилось, что Черчилль переиграл и Сталина и Гитлера?

– Конечно. Для него главным было спасти Великобританию.

– Впрочем, это в традициях английской политики... Вспомним 1812 год, когда нападение на Россию маскировалось «Булонским лагерем».

– Вот видите! А вы хотите, чтобы Сталин точно отгадал, какое сообщение верное, а какое – ложное? Добавьте сюда еще и то, что записал Геббельс в своих дневниках за 1941-й год: Гер-

мания тоже вела свою игру дезинформации, пыталась внушить нам, что не нападет. Поэтому в данном случае я бы винил не Сталина, а руководство нашей разведки, которое отказывалось анализировать и выдавать точные прогнозы.

– *Насколько известно, наши отношения с будущими союзниками основательно испортились в результате финской кампании. Англичане даже хотели помочь финнам, принять участие в боевых действиях.*

– У нас всегда почему-то многого не договаривают, рассматривают только какой-то один аспект проблемы. Дело в том, что Германия получала железную руду из Швеции, с севера, где колоссальные месторождения. Англичане – почитайте воспоминания Черчилля – стремились захватить эти железные рудники.

– *Будем считать – из благих побуждений, чтоб немцам не отдавать!*

– Ну да. Но как ни с того ни с сего кинуться на нейтральные Швецию и Норвегию? Тогда был придуман предлог для вторжения. Якобы – помощь финнам. Доказывается это тем, что и после того, как в марте 1940 года финны подписали перемирие, англичане продолжали подготовку к высадке в Нарвике, но опоздали ровно на три дня. Если бы не немцы, которые кинулись в Норвегию и Данию в мае 1940-го, англичане были бы в том же Нарвике – уже не под предлогом помощи несчастной Финляндии.

– *То есть все сочувствие Финляндии не более, чем повод?*

– Посмотрите воспоминания Черчилля – он писал, что Россия права в своих требованиях отодвинуть границу от Ленинграда. Сегодня забыли, что граница тогда проходила в Сестроречке и Белоострове, что масса островов в «Маркизовой луже» были финскими, так что финны элементарно могли обстреливать со своей территории центр Ленинграда. Кто виноват, что в декабре 1917 года мы согласились признать независимость Финляндии в ее административных границах эпохи Российской империи? То есть совершили в первый раз ту же ошибку, которая была повторена в 1991 году, когда чисто административные границы позволили разрывать Советский Союз на куски!

– *История учит только тому, что она ничему не учит. Особенно – наша. Возвратимся к 1941 году. Итак, войну ждали?*

– Конечно. Чувствуя ее приближение, Политбюро вечером 21 июня, еще до первых выстрелов и бомб, подготовило две директивы для нашей армии. Когда же началась война, пришлось обдумывать, как руководить страной в этих условиях.

– *Юрий Николаевич, по Вашему мнению, в чем основные причины первых наших неудач?*

– Не удивляйтесь, но главное, на мой взгляд, то, что мы не имели нужных средств связи. В 1941 году немцы пользовались радиотелефоном! Говорят, что они все были вооружены автоматами – нет, большая часть немецких солдат, как и наших, шла с винтовками. Но немцы имели радиотелефоны! А у нас связист катушку тянет, провод перебивают, он под огнем связь восстанавливает... В результате командование армии не знало, что делается в дивизиях, в дивизиях не знали, что происходит в полках, батальонах, ротах. Поэтому кто-то стойко оборонялся, не зная, что рядом пусто, что на фланге обнаженный участок, что немцы его уже прошли, оказались в тылу. Вот главная причина первых наших неудач!

– *Только одна причина?!*

– Конечно нет – тут целый комплекс причин, но эта, на мой взгляд, первая по значимости. Среди прочих не могу не сказать о роли начальника Генштаба Жукова. Вспомните, это он в начале 1941-го настаивал на том, что немцы нанесут основной удар на Киев и дальше, к Волге. Это всем известно, просто никто не хочет говорить.

– *Невольно вспоминается знаменитая командно-штабная игра в начале 1936 года, когда Тухачевский настаивал, что немцы будут наступать на центральном направлении.*

– Да, это классическое направление удара. Его использовал Наполеон, использовали немцы в 1914-м – с той разницей, что еще было Царство Польское, которое им нужно было

пересечь. Все равно удар был направлен на Минск, с ответвлением на Прибалтику, Петроград. С точки зрения стратегии, это наиболее удобно, выгодно, привлекательно.

– *Почему же Георгий Константинович мыслил по-иному?*

– Он считал, что немцы поступят нестандартно: пойдут на юг, так как им нужны хлеб, железная руда, кавказская нефть. Поэтому основные наши силы были сосредоточены на Украине, а в Прибалтике и Белоруссии их было меньше. От этого сразу потерпели поражение наши армии в районе Белоруссии.

Кстати, вот эпизод, который сегодня опять-таки никто почему-то не желает вспомнить: в Москве была сформирована так называемая «пистолетная дивизия». Большие потери в старшем начсоставе вынудили провести, так сказать, «чистку» академий, военных училищ, наркомата: набрать от полковника и выше – тех, кто носил в кобуре пистолет – и в конце июля срочно направить на фронты «затыкать дыры» на уровне полк – дивизия – армия. А ведь, наверное, эти люди могли бы оказать большую пользу либо на своем посту, в Москве, либо чуть позже во главе по-настоящему сформированных полков, бригад и дивизий. Но их фактически бросили на гибель. Однако именно героизм тех, кто сражался в июне – сентябре 1941 года, и спас страну. В это время мы хоть частично, но сумели эвакуировать нашу промышленность, наладить отношения с англичанами, американцами, предпринять многое другое – всем этим занимался ГКО.

– *Сейчас гуляет версия о том, что мы пытались начать какие-то тайные переговоры с немцами. Так ли это?*

– Нет, нет и нет! Версий может быть множество, но за ними чистое вранье, потому что в подтверждение не представлено ни одного доказательства. Нет ни одного документа, который бы эту версию подтверждал! Единственное, что Сталин, как честный руководитель страны, мог себе позволить – это договор о ненападении между Германией и СССР. Как я уже сказал, такие же договоры Германия подписала и с Бельгией, и с Данией...

– *Тогда Сталин надеялся оттянуть начало войны...*

– Тогда – да. Теперь же Советский Союз был готов бороться до конца. Так что недаром мы в 1941 году понудили англичан зафиксировать в наших двусторонних договорах, что ни одна из сторон не пойдет на сепаратный мир.

– *Вы начали говорить о ГКО – как, зачем и почему он был образован?*

– Как я сказал, в начале войны нужно было принимать меры по созданию руководящего органа, отвечающего времени, задачам и ситуации. То, что аппарат партии, скажем, ЦК ВКП(б), для этого не годится, еще задолго до войны поняли и Сталин, и Маленков, и Молотов. Собирать во время войны Верховный совет? Бессмысленно... Тогда и было принято решение создать чрезвычайный орган власти: Государственный Комитет Обороны, который стал над всеми советскими и партийными органами...

– *О ГКО мы знаем в общем-то мало. Кто именно входил в его состав?*

– Если оценивать реально, то в действительности он состоял из четырех человек: Сталина, Молотова, Маленкова и Берии. Ворошилов, а позднее и Микоян были «пристяжными», а те, кто потом были туда включены – Булганин, Вознесенский и Каганович – это уже была чистая проформа. Члены ГКО отвечали за все: от мобилизации на местах, доставки мобилизованных на фронт до обеспечения фронта техникой, вооружением, снарядами и патронами...

– *А кто за что отвечал конкретно?*

– Ну, во-первых, и Молотов, и Берия, и Маленков выполняли и свои прежние обязанности. Во-вторых, курирование наркоматов они меняли между собой каждые полгода. Скажем, полгода танковую промышленность курирует Берия, затем передает ее Маленкову, а сам получает авиационную промышленность. Это для того, чтобы не возникали притирка, привыкание к наркомам. Притом никто не знал, кому затем достанется другой наркомат. Это заставляло людей быть в боевой готовности круглые сутки...

– *А что делал Сталин как председатель ГКО?*

– Он должен был курировать то, что осталось от Наркомата обороны – то есть Генштаб, командование фронтов.

– *Курировать – или руководить ими?*

– Что бы сейчас ни говорили, но Сталин никогда не претендовал на роль стратега или тактика. По сути дела, он выступал в роли, я бы сказал, сверхсудьи. Он заставлял людей в своем присутствии многократно перепроверять то, что предлагается, заставлял высказываться других – для того, чтобы принять окончательное решение. Ведь это очень серьезно – где именно нанести удар? Далее он выходил на Молотова, Маленкова и Берия, чтобы обеспечить соответствующее количество танков, самолетов... В общем, его задачей была организация взаимодействия между Верховным Главнокомандованием и ГКО.

– *Как часто проводились заседания Государственного Комитета Обороны?*

– Видимо, я вас удивлю, сказав, что ГКО ни разу не собирался ни на какие заседания. Как название, он существовал формально, а на деле это была команда членов ГКО, каждый из которых имел обязанности, замыкавшиеся именно на нем. Никто не спрашивал с Молотова, Берии, Маленкова, со Сталина. Так называемые решения ГКО – это конкретные решения отдельно Сталина, решения Молотова, Маленкова, Берии и иногда Микояна – и не больше. Например, Молотов готовил постановление по своему вопросу – и оно шло не как постановление члена ГКО, а как постановление ГКО...

– *Но почему – Вы и сами это сказали – о Сталине говорят как о единоличном руководителе сражающейся державы и ее Вооруженных сил?*

– За годы войны народ привык связывать имя Сталина со всеми победами, никуда от этого не уйти. Он стал именно символом Победы – проще, в конце концов, называть одно имя, связав с ним все. Никто ж не говорил, что решающий вклад внес Рокоссовский, Малиновский, Соколовский и так далее – тогда почему-то очень любили эти три фамилии – или Василевский. Меньше вспоминали и Жукова. А Сталин для нашей Победы в войне, конечно же, сделал немало.

У истоков коалиции

Доктор исторических наук Олег Ржешевский

За прошедшие десятилетия о советских военных планах в канун нападения Германии на СССР опубликована немалая, но крайне скупая на документы литература, основанная преимущественно на воспоминаниях или косвенных свидетельствах. Наиболее распространена концепция «ответного удара», согласно которой первый стратегический эшелон войск Красной Армии должен был активной обороной отразить нападение Германии и перейти в решительное наступление. Так освещались планы обороны страны в 12-томном академическом издании «История Второй мировой войны 1939–1945», но без ссылок на какие-либо источники.

Важный документ «Соображения по стратегическому развертыванию вооруженных сил» рассматривается в труде «Великая Отечественная война. Военно-исторические очерки» в 4 книгах. Речь идет о проекте директивы, разработанном до 15 мая 1941 года, о нанесении упреждающего удара по немецкой группировке, сосредоточенной у советских границ. Утверждается, что *«Сталин, считавший, что ни одной пяди своей земли не должно быть отдано врагу, а громить его следует на его же территории, приказал главные силы войск сосредоточить в непосредственной близости от границ»*.

Сведения о проекте упреждающего удара первым опубликовал Д. Волкогонов – в виде «радикального, смелого, очень острого предложения в будущем прославленного полководца Г. Жукова», которое не встретило поддержки. Черновик плана, в действительности написанный А. Василевским, так и остался черновиком. «Наркомат обороны, Генеральный штаб, – утверждал Волкогонов, – действовали так, будто Гитлер и не думал, пока того не пожелает Сталин, сделать свой роковой и страшный шаг».

Вскоре миллионными тиражами начали распространяться «Ледокол» и другие книги Резуна-Суворова с обвинениями СССР в развязывании Второй мировой войны. Это была составная часть перелицовки советской истории в духе откровенно нацистских оценок. «Я замахнулся, – объявил Резун, – на единственную святыню, которая у народа осталась, – на память о войне. Легенду о том, что на нас напали, я выбиваю из-под ног, как палач выбивает табуретку, и доказываю, что Советский Союз – главный зачинщик и виновник войны». В советском Генштабе, продолжает он, генералы и офицеры которого работали по 15–17 часов в сутки, был разработан наступательный план войны и установлен срок ее начала – 6 июля 1941 года, что и вынудило Гитлера нанести превентивный удар на две недели раньше. Понадобились многие годы, чтобы эта версия, заимствованная из нацистской пропаганды, была разоблачена – слишком малы у нас тиражи научных книг по истории, а в средствах массовой информации правдивая история о войне – большая редкость.

Какие же в действительности разрабатывались планы в Генштабе, как реально оценивались соотношение сил и возможности Красной Армии?

Лозунг «Разобьем врага малой кровью, могучим ударом» имел мало общего с их содержанием. В 1938–1941 годах в Генеральном штабе и его «мозговом центре» – Оперативном управлении сложился коллектив профессионалов, которые проявляли высокий уровень стратегического мышления на протяжении всей Второй мировой войны. Это маршал Б. Шапошников, генералы, а впоследствии маршалы Г. Жуков, А. Василевский, генералы Н. Ватутин, Г. Маландин, С. Штеменко и их сослуживцы. Они реально оценивали молниеносный разгром армий англо-французской коалиции в Европе и новое соотношение сил, предвидели вероятность отступления наших войск вглубь страны и в столкновении с ортодоксами, которые

отождествляли пропагандистские лозунги с планами обороны, добивались принятия решений, адекватных сложившейся обстановке.

Вот как об этом дал понять в своей книге «Дело всей жизни» А. Василевский: «Некоторые лица из Наркомата обороны, особенно Кулик, Мехлис и Щаденко (Г. Кулик и Е. Щаденко – заместители наркома, Л. Мехлис – начальник Политуправления РККА. – *Авт.*) считали, что агрессия будет быстро отражена и война во всех случаях будет перенесена на территорию противника. Видимо, они находились в плену неправильного представления о ходе предполагавшейся войны. Такая иллюзия, к сожалению, имела место».

В. Молотов в беседе с писателем Ф. Чуевым вспоминал: «Мы знали, что война не за горами, что мы слабей Германии, что нам придется отступать. Весь вопрос был в том, куда нам придется отступать – до Смоленска или до Москвы, это перед войной мы обсуждали».

В результате работы ученых Генерального штаба, прежде всего Ю. Горькова и Г. Кривошеева, ряда других исследователей, удалось обнаружить и опубликовать документы о важных стратегических решениях, принятых непосредственно перед нападением Германии на Советский Союз. Их игнорируют те отечественные и зарубежные авторы, которые стремятся очернить советскую предвоенную политику, приписать руководству СССР агрессивные цели, некий «наступательный синдром».

Из этих документов следует, что с большим запозданием, но были определены три рубежа обороны: фронтовой – на советской западной границе; стратегический – по Западной Двине, Днепру и Днестру (Нарва, Сольцы, Великие Луки, Валдай, Гомель, Конотоп) и государственный рубеж обороны – на дальних подступах к Москве (Осташков, Сычевка, Ельня, Почеп, Рославль, Трубчевск).

Детальные директивы Генерального штаба на оборону были направлены в приграничные (Прибалтийский, Западный, Киевский особые и Одесский) военные округа 14 мая 1941 года с задачей разработки на их основе оперативных планов обороны на местах. В директивах предусматривалась вероятность отступления наших войск вглубь территории страны. В параграфе 7 указывалось: «На случай вынужденного отхода разработать согласно особым указаниям план эвакуации фабрик, заводов, банков и других хозяйственных предприятий, правительственных учреждений, складов военного и государственного имущества...» Директивы подписаны С. Тимошенко, Г. Жуковым и заверены А. Василевским.

Оперативные планы округов были представлены на утверждение в период с 20 до 30 мая. Их послевоенный анализ показал, что наиболее грамотно и адекватно обстановке они были разработаны в Одесском военном округе (командующий – генерал-полковник Я. Черевиченко, начальник штаба – генерал-майор М. Захаров).

В масштабе всей западной границы фронтовой рубеж, а он предусматривал от трех до пяти полос обороны, не успели достроить, но многое сделали, в том числе на северо-западной границе (Выборгский и Кексгольмский укрепрайоны). В мае – июне 1941 года на стратегический рубеж по Западной Двине и Днепру были перебазированы 19, 21 и 22-я армии из Северо-Кавказского, Приволжского и Уральского военных округов.

20 июня в округа был направлен приказ за подписью С. Тимошенко, Г. Маленкова и Г. Жукова о срочной маскировке самолетов, взлетных полос, аэродромных сооружений с указанием командующим ВВС округов докладывать о ходе его выполнения «ежедневно по ВЧ начальнику ГУ ВВС Красной Армии с 21 часа до 23 часов».

24 июня 1941 года начал действовать Совет по эвакуации во главе с Н. Шверником, А. Косыгиным и М. Первухиным. Беспрецедентная в мировой истории перебазировка около 2,5 тыс. промышленных предприятий, материального имущества, эвакуация на восток значительной части населения спасли миллионы жизней и создали основу для восстановления потерь военной экономики оккупированных противником районов и снабжения фронта необ-

ходимым вооружением. С приближением войск противника к Москве были эвакуированы многие правительственные, военные, научные и другие учреждения, дипломатический корпус.

Ряд специалистов указывает, что в Генштабе, рассматривая вероятность значительного отступления наших войск вглубь страны, стремились не допустить их окружения и уничтожения в первые недели сражений. Для этого есть немало оснований. 22 июня 1941 года границу непосредственно прикрывали 56 из 170 дивизий, имевшихся на западном направлении. К середине июля 28 из 170 дивизий оказались в окружении и не вышли из него, 70 понесли тяжелые потери, а более 70 дивизий совместно с поступавшим пополнением продолжали ожесточенное сопротивление, наносили контрудары противнику. В результате была сорвана важнейшая на этом этапе войны цель плана «Барбаросса»: *«воспрепятствовать своевременному отходу боеспособных сил противника и уничтожить их западнее линии Днепр – Двина»*. Утверждавшийся как недостаток тезис, что многие наши армии и дивизии находились в день нападения Германии на расстоянии до 400 км от границы, видимо, следует поменять с минуса на плюс.

Как несостоятельную следует отвести и версию о том, что Сталин «все знал» о предстоящем нападении и его сроках, но действенных мер не предпринимал. В предвоенные годы прилагался максимум усилий, чтобы подготовить страну к обороне. Вместе с тем сведения, поступавшие о подготовке Германии к нападению на СССР, были противоречивы, затрудняли анализ и без того сложной обстановки, препятствовали раскрытию главной цели дезинформационной деятельности нацистских спецслужб – обеспечить внезапность первого, наиболее мощного удара.

Крайне негативное значение имело заключение начальника Разведуправления Генерального штаба генерал-лейтенанта (позднее – маршала) Ф. Голикова от 20 марта 1941 года о том, что сообщения о готовящемся нападении Германии *«необходимо расценивать как дезинформацию, исходящую от англичан и даже, может быть, германской разведки»*. Появившиеся в печати косвенные свидетельства о том, что Голиков стремился таким образом угодить Сталину и опасался репрессий, вызывают сомнения. Это был опытный военачальник и человек твердых убеждений. Да и вряд ли он не понимал, что просчет в этом случае будет иметь роковые последствия, в том числе и для него лично.

Немало дезинформации поступало и по дипломатическим каналам. Советский посол во Франции телеграфировал 19 июня 1941 года в НКВД: *«Сейчас здесь все журналисты болтают о всеобщей мобилизации в СССР, о том, что Германия предъявила нам ультиматум об отделении Украины и передаче ее под протекторат Германии и прочее. Слухи эти идут не только от англичан и американцев, но и из немецких кругов. По-видимому, немцы, пользуясь этой агитацией, и готовят решительную атаку на Англию»*.

Наиболее ценной и объективной информацией располагали Народный комиссариат государственной безопасности (нарком – В. Меркулов), Первое управление этого ведомства (начальник – П. Фитин). Выделим представленное И. Сталину 17 июня 1941 года сообщение из Берлина: *«Все военные мероприятия Германии по подготовке вооруженного выступления против СССР полностью закончены, и удар можно ожидать в любое время»*. Но, несмотря на это и ряд других подобных сообщений, поступивших из других источников, войска приграничных военных округов не были своевременно приведены в боевую готовность.

Советская разведка и контрразведка, наши дипломаты проделали большую работу с целью раскрытия замыслов и планов нацистской Германии. Отмечая достигнутые положительные результаты и очевидные просчеты, историки делают вывод, что, будучи доложенной руководством страны в разобранном виде, информация о военных приготовлениях не создавала убедительной целостной картины происходящих событий, не отвечала на главный вопрос: с какой целью эти приготовления осуществляются, принято ли правителями Германии политическое решение о нападении, когда следует ожидать агрессии, каковы будут стратегические и тактические цели ведения противником боевых действий.

В результате обсуждения конкретных мер, вызванных нарастающей угрозой немецкого нападения, – от необходимости нанесения упреждающего удара до уверенности в том, что Германию удастся удержать на какое-то время от войны дипломатическими акциями, – активно реализовывались последние. Такого рода решения, как подписание с Германией секретного протокола о продаже Советскому Союзу участка территории в районе Сувалок за 7 млн золотых долларов (10 января 1941 г.), известное заявление ТАСС о беспочвенности слухов о возможной войне между СССР и Германией (13 июня 1941 г.), согласие Правительства СССР на поставку Германии зерна через Румынию (21 июня 1941 г.), не изменили планов фюрера. Одним из последствий попыток любой ценой избежать войны явилась нерешительность в пресечении нарушений немецкими самолетами воздушного пространства страны. Это, в частности, привело к тому, что 15 мая 1941 года бомбардировщик Ю-52 безнаказанно совершил перелет по маршруту Белосток – Минск – Смоленск – Москва и приземлился на Центральном аэродроме.

Вместе с тем крупным успехом советской политики в борьбе с нараставшей угрозой агрессии явилось заключение 13 апреля 1941 года пакта о нейтралитете с Японией. Заслуга нашей дипломатии состоит в том, что она сумела использовать в интересах безопасности страны японо-американские противоречия – это позволило СССР избежать войны на два фронта.

* * *

Наши внешняя политика и дипломатия были всецело подчинены укреплению обороны страны, поиску союзников и изоляции противников в случае, если войны не удастся избежать.

С началом международного политического кризиса, который последовал за заключением Мюнхенского соглашения между Германией, Италией, Великобританией и Францией (сентябрь 1938 г.), вторжением в Чехословакию и ее разделом, в котором совместно с Германией приняли участие Польша и Венгрия, нападением Японии на союзную СССР Монгольскую Народную Республику, конкурировали два основных вектора советской внешней политики: превентивный, имевший целью предотвратить нападение Германии и ее союзников на СССР, и коалиционный, направленный на создание коалиции государств и народов для борьбы с агрессорами.

О превентивном векторе, попытках «умиротворить» Германию и нейтрализовать Японию, уже сказано. Рассмотрим подробнее вектор коалиционной политики.

Требует существенной корректировки довольно распространенная точка зрения, что после неудачи англо-франко-советских переговоров (март – август 1939 г.), заключения советско-германских договоров о ненападении (23 августа 1939 г.) и о дружбе и границе (28 сентября 1939 г.) советско-английские и советско-американские отношения вплоть до нападения Германии на СССР оставались однозначно негативными. Поэтому для более объективной их характеристики и двусторонних переговоров, в ходе которых Англия стремилась «навести мосты», а СССР – не сжигать их, приведем несколько примеров.

После заключения советско-германского договора о дружбе и границе У. Черчилль пригласил нашего посла И. Майского и в ответ на его вопрос: «Что вы думаете о мирных предложениях Гитлера?» – сказал: «Некоторые из моих консервативных друзей рекомендуют мир. Они боятся, что в ходе войны Германия станет большевистской. Но я стою за войну до конца. Гитлер должен быть уничтожен. Нацизм должен быть сокрушен раз и навсегда. Пускай Германия становится большевистской. Это меня не пугает. Лучше коммунизм, чем нацизм».

Далее, по свидетельству Майского, он разъяснил позицию британского правительства в создавшейся новой обстановке: «1) основные интересы Англии и СССР нигде не сталкиваются; 2) СССР должен быть хозяином на восточном берегу Балтийского моря, и он очень рад,

что балтийские страны включаются в нашу [советскую], а не в германскую государственную систему; 3) необходимо совместными усилиями закрыть немцам доступ в Черное море; 4) британское правительство желает, чтобы нейтралитет СССР был дружественным по отношению к Великобритании».

21 февраля 1940 года нарком иностранных дел В. Молотов направил указание И. Майскому следующим образом разъяснить английскому правительству политику СССР в отношении Германии: «1) мы считаем смешным и оскорбительным для нас не только утверждение, но даже просто предположение, что СССР будто бы вступил в военный союз с Германией; 2) хозяйственный договор с Германией есть всего лишь договор о товарообороте, по которому вывоз из СССР в Германию достигает всего 500 млн марок, причем договор экономически выгоден СССР, так как СССР получает от Германии большое количество станков и оборудования, равно как изрядное количество вооружения, в продаже которого, как известно, отказывали нам как в Англии, так и во Франции; 3) как был СССР нейтральным, так он и останется нейтральным, если, конечно, Англия и Франция не нападут на СССР и не заставят взяться за оружие. Упорно распространяемые слухи о военном союзе СССР с Германией подогреваются не только некоторыми элементами в самой Германии, чтобы замирить Англию и Францию, но и некоторыми агентами самой Англии и Франции, желающими использовать воображаемый “переход СССР в лагерь Германии” для своих особых целей в области внутренней политики».

После поражения Франции настроения британского общества стали заметно меняться в пользу СССР как потенциального союзника. И. Майский сообщал в Москву 19 июня 1940 года: «Вчера в конце дебатов по выступлению Черчилля в парламенте произошла следующая демонстрация: лейборист Джон Морган произнес небольшую речь, в которой он приветствовал назначение Криппса послом в Москву и призвал палату отметить прибытие Криппса «в эту великую страну и пожелать ему успеха в его работе». Со всех сторон (не только от лейбористской, но и от консервативной) раздались шумные одобрения, и все обернулось лицом к дипломатической галерее, в которой я сидел в числе других послов. Черчилль полуприподнялся со скамьи правительства и также обернулся в мою сторону, сделал дружественный жест по моему адресу рукой. Примеру Черчилля последовали ряд других министров, сидевших рядом».

24 февраля 1941 года в ответ на инициативу министра иностранных дел Э. Идена приехать в Москву для встречи с И. Сталиным в целях улучшения англо-советских отношений заместитель наркома иностранных дел А. Вышинский сообщил британскому послу в Москве С. Криппсу, что «сейчас еще не настало время для решения больших вопросов».

Негативная тенденция в англо-советских отношениях, которые ухудшились в период советско-финской войны, получила новый импульс в связи с прилетом в Англию 10 мая 1941 года заместителя Гитлера по нацистской партии Р. Гесса и советскими подозрениями об англо-германском сговоре. Но «цена» такого сговора была для Великобритании неприемлема, и в день нападения нацистской Германии на СССР У. Черчилль первым из глав иностранных государств заявил о поддержке СССР в борьбе с агрессией. В речи по Би-би-си вечером 22 июня 1941 года, к которой готовился весь день, Черчилль от имени британского правительства обещал оказать России и русскому народу всю помощь, которую только сможет, и пояснил, что «опасность, угрожающая России, – это опасность, грозящая нам и Соединенным Штатам».

Советско-американские отношения со времени начала Второй мировой войны также претерпели большие изменения. Этот процесс, как и в отношениях с Великобританией, получил развитие после заключения советско-германских соглашений и начала Второй мировой войны, но с тем различием, что инициатива принадлежала советскому руководству. Точкой отсчета можно считать письмо И. Сталина, направленное в ноябре 1939 года президенту Ф. Рузвельту, переданное полпредом СССР в США К. Уманским через государственного секретаря К. Хэлла, в котором выражалась надежда, что «общими усилиями может быть восстановлен мир».

Война СССР против Финляндии резко обострила советско-американские отношения. США объявили «моральное эмбарго» – фактический запрет на торговлю с СССР, оказывали некоторую экономическую и военную помощь Финляндии, активно поддерживали ее в международных делах. Однако дипломатические отношения США и СССР в этот период не были однозначно враждебными.

В служебном дневнике В. Молотова содержится запись его беседы с послом США в Москве Л. Штейнгардтом, состоявшейся 1 февраля 1940 года. Задав вопрос о перспективах урегулирования советско-финского конфликта, посол заметил: «После революции Рузвельт – единственный президент, являющийся другом Советов: Вильсон, Гардинг, Кулидж, Гувер не были друзьями СССР и не хотели его признавать. Вопреки общественному мнению Рузвельт пошел на признание. За последнее время многие обращались к нему с требованиями порвать отношения с СССР, но он на это не пошел».

В ответ на вопрос об угрозе независимости Финляндии Молотов сказал, что советское руководство не опасалось нападения самой Финляндии, но «при развертывании европейской войны враждебная к СССР Финляндия могла бы стать опасным очагом войны». Он подчеркнул, что «в отношении независимости Финляндии у СССР не было и нет никаких претензий».

Заключение мира с Финляндией 12 марта 1940 года, поражение Франции и англо-французской коалиции, изменившее соотношение сил на континенте в пользу Германии, обострение американско-японских противоречий способствовали развитию позитивной тенденции в советско-американских отношениях.

В апреле 1940 года начались регулярные встречи, а по существу – переговоры между США и СССР, которые с американской стороны вел преимущественно заместитель госсекретаря США С. Уэллес, а с советской стороны – К. Уманский. В Москве возникавшие вопросы обсуждали в основном В. Молотов и Л. Штейнгардт. 6 августа была достигнута договоренность о продлении американско-советского торгового соглашения. Экспорт в СССР за 1940 год увеличился на 54 процента. В общем балансе экспортных торговых сделок СССР США заняли второе место – после Германии. В то же время импорт сократился на 17 процентов. 25 сентября 1940 года Молотов дал указание Уманскому сообщить министру финансов США Г. Моргентау о согласии советского правительства осуществить поставки в Штаты марганца, хрома, асбеста и платины.

Серьезным преткновением стала прибалтийская проблема, советское решение которой вызвало раздражение в США. Экономическое контрдавление в виде блокирования договорных поставок в СССР промышленного оборудования не могло принести и не принесло желаемых для США результатов. «Вот если бы СССР захотел купить в США 5 миллионов пальто, – заявил на одной из встреч с советскими представителями Штейнгардт, – то я ручаюсь, что Советский Союз получит эти вещи на следующий день». Моргентау информировал Уманского о том, что «весь вопрос о военных заказах находится в руках госдепартамента, к которому и надо адресовать требования».

В наступившем 1941 году советско-американские отношения медленно продолжали улучшаться. В первых числах января правительство США сообщило о своем согласии отменить «моральное эмбарго», а затем 21 января Уэллес в беседе с Уманским (это была их 15-я встреча) сделал важное заявление: «Если бы СССР оказался в положении сопротивления агрессору, то США оказали бы ему помощь».

Позитивные результаты в ходе переговоров этого периода достигались с большим трудом, осложнялись взаимными, подчас необоснованными претензиями, и отношения во многом оставались натянутыми, но тем не менее тенденция к сближению, обусловленная нараставшей угрозой агрессии как против СССР, так и против США, прокладывала дорогу. Большая заслуга в этом принадлежала Рузвельту. «Он уже давно склонялся к мнению, что политика Советского Союза, – сделал вывод один из ведущих американских историков У. Кимболл, – носит скорее

не коммунистический, а националистический характер, более прагматична, нежели идеологизирована. Нацистско-советский пакт и советское нападение на Финляндию, вызвавшие возмущение президента, были интерпретированы Белым домом как следствие скорее советских опасений германской агрессии, нежели коммунистической экспансией».

Реалистичной была оценка расстановки сил в американской политике и у советской дипломатии, однако ей не хватало гибкости. Уманский и Уэллес не нашли общего языка, не доверяли друг другу, что усложняло обстановку на переговорах. Но все это имело второстепенное значение. Главное – ко времени нападения Германии на СССР Черчилль и Рузвельт пришли к общему выводу о том, что они выступят за поддержку СССР в борьбе против нацистской агрессии, хотя каковой будет эта поддержка, было далеко не ясно.

24 июня 1941 года вслед за Черчиллем об этом заявил на пресс-конференции Ф. Рузвельт: «Разумеется, мы собираемся предоставить России всю ту помощь, которую мы сможем». Реакция в США на нападение Германии на СССР была более противоречивой, чем в Великобритании. Она продемонстрировала сложный спектр расстановки политических сил в стране, их различное отношение к поддержке социалистической России в борьбе против нацистской агрессии. Г. Трумэн, в то время сенатор от штата Миссури, за день до выступления Рузвельта призвал правительство следовать иному политическому курсу: «Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если выигрывать будет Россия, то нам следует помогать Германии, и, таким образом, пусть они убивают как можно больше, хотя я не хочу победы Гитлера ни при каких обстоятельствах».

Государственные лидеры США отклонили позицию этой части истеблишмента. Их аргументы были реалистичны и убедительны: поражение СССР означает прямую угрозу не только мировым позициям США, но и самой независимости их страны.

3 июля Сталин заявил об уверенности в том, что справедливая борьба советского народа «сольется с борьбой народов Европы и Америки за их независимость, за демократические свободы». Путь к созданию военно-политического союза трех держав был открыт.

Таковы некоторые документы и факты, способствующие дальнейшему раскрытию реальной картины советских планов и расчетов непосредственно перед нападением фашистской Германии на СССР.

Россия не в долгу перед странами Балтии

Собеседник – доктор исторических наук Юрий Кузнец

– Юрий Львович, в средствах массовой информации Эстонии, Латвии и Литвы продолжают звучать обвинения в адрес Москвы за ее политику в отношении Прибалтики накануне, во время и после Второй мировой войны, за «оккупацию» Прибалтики и даже за якобы причиненный ей ущерб. От нас требуют и компенсаций, и извинений...

– А кто, простите, требует? Наследники красных латышских стрелков, охранявших Ленина в Кремле в самые критические дни существования Советской Республики – недавно ещё их именовали «железной гвардией Октября», наследники известных чекистов, комиссаров, партийных деятелей – можно привести десятки имен. Видите ли, если говорить о психологическом аспекте таких обвинений, то эмоций не избежать. Тем важнее спокойно и по возможности объективно разобраться во взаимных претензиях и проблемах. Убежден, что История – и только История может помочь нам в этом. Она не избавляет от полемики, но, во всяком случае, многое разъясняет и о многом напоминает.

– Тут важно заметить, что для объективного понимания событий прошлого о них следует судить с объективно-исторических позиций, а не с точки зрения сегодняшнего дня.

– Вот именно, и потому напомню, что в истории международных отношений долгое время играли особую роль законы «больших величин», великие державы руководствовались собственным пониманием того, что соответствует интересам народов, а что нет. Интересы малых стран при этом отодвигались на второй план, а то и далее. Конечно, в XXI веке дела обстоят по-другому...

– Скажем лучше, «в основном обстоят по-другому».

– Согласен, и все же благодаря уставу и деятельности ООН, малые страны получают больше прав и возможностей в защите своего суверенитета, чем в том же XX веке, а ранее – тем паче. Но наши проблемы с Балтией связаны с самым чёрным периодом XX века – с сороковыми годами, когда Вторая мировая война расползлась по земному шару, когда более 60 государств и до 80 процентов населения мира втянулись в нее. Тогда все великие державы, в том числе и воевавшие друг с другом, были равнодушными к судьбе этих малых стран. Англия, Франция и США в сущности проигнорировали то, что происходило с ними. Германия сперва отстранилась от них, затем их оккупировала. Советский Союз в предвидении неизбежной схватки с Германией сперва ввел свои войска на территории этих прибалтийских стран, затем включил их в состав собственной территории – правда, после 1945-го восстановив и развив их разрушенное войной хозяйство.

– Но если послушать современных прибалтийских политиков, можно подумать, что весь мир тогда только и был озабочен проблемами независимости прибалтийских государств...

– Нет, я считаю, что судьбы стран Балтии решались в зависимости от военно-политической обстановки того времени, от глобального соотношения сил и от «большой игры» великих держав. Поэтому надо остановиться в поиске виновных и идти вперед, не тратя время и силы на сведение счетов.

– Как можно подтвердить документально слова о «большой игре»?

– По-моему, лучше всех позицию Запада на много лет вперед обрисовал Уинстон Черчилль. В своих мемуарах он вспоминал, что когда в декабре 1942 года министр иностранных дел Великобритании Энтони Иден находился с визитом в Москве, то в беседе с ним Сталин выразил пожелание, чтобы США и Англия признали границы СССР 1940 года, т. е. признали

бы включение Прибалтики в состав СССР. Черчилль пишет: «Моя реакция на это была отрицательной. Но теперь, тремя месяцами позже (это написано в марте 1942 года), под давлением событий, я не думал, что эту моральную позицию физически возможно сохранить. В борьбе не на жизнь, а на смерть неправильно брать на себя большее бремя, чем в состоянии нести те, кто сражается за великое дело. Мои взгляды в вопросе о прибалтийских государствах были и остаются неизменными, но я считал, что в то время я не мог на них настаивать».

– *Понять можно так: я вот такой хороший, но обстоятельства сильнее меня. Впрочем, и то понять можно, что в «большой игре» никакая Прибалтика сэра Уинстона особенно не волновала.*

– Думаю, так же, как и Рузвельта. А уж после поражения германских войск на Орловско-Курской дуге, после Тегеранской конференции Англия и США вообще напрочь позабыли о возможности пересмотра границ СССР и восстановлении суверенитета Литвы, Латвии и Эстонии. Слишком много значило участие СССР во Второй мировой войне и, соответственно, сохранение военно-политического союза с ним, чтобы ставить вопросы, могущие хоть как-то осложнить и ослабить этот союз. Поэтому, кстати, страны Прибалтики даже не включались в списки оккупированных стран Европы, суверенитет которых следовало восстановить после Второй мировой войны. Так что История просто не оставила прибалтам выбора.

– *Если обратиться к истории, то известно, что после Октябрьской революции на нашей западной границе образовались так называемые государства-лимитрофы, отношения с которыми у нас были достаточно сложными. Наши геополитические интересы требовали их полного или частичного возвращения в состав СССР. О Польше и Финляндии мы сейчас говорить не будем...*

– А вот первый этап решений по Прибалтике относится к соглашениям Германии и СССР в августе – сентябре 1939 года. Второй этап решений – с участием Британии, США и СССР – наступил в ходе совместной борьбы против гитлеровской Германии, когда судьбы Прибалтики были подчинены нуждам большой стратегии союзников.

– *То есть можно говорить, что наши союзники, причем разные союзники в разное время, с пониманием относились к нашим геополитическим интересам.*

– Да, побеждала логика «больших величин». Лишь в 1989–1991 годах от силовой логики прошлых лет отказались. Впрочем, агрессия США против Ирака, вызванная надуманными и необоснованными причинами, показала, что и в этом отношении путь еще не пройден до конца и силовые действия великих держав против малых отнюдь еще не изжиты...

– *Юрий Львович, а чем вообще для нас была так притягательна Прибалтика?*

– На западе Россия выходит к относительно узкому Балтийскому побережью, откуда открываются пути к широким морским просторам, мировым торговым коммуникациям, экономическим, торговым и культурным центрам и путям на запад. А для других народов – на восток. Именно это обстоятельство уже в Средние века манило сюда различных завоевателей – немцев, поляков, шведов. Не осталась в стороне и Россия. Складывание Российской империи и ее развитие неотвратимо вели ее к Балтийскому морю на западе и к Тихому океану на востоке. Российское воинство и купечество настойчиво и неумоимо рвались к Балтике. Как и в последующем, коренное население прибалтийских земель осталось без выбора и возможности основать собственную государственность. Выдвижение России на эти земли осуществлялось последовательно и неумоимо. После Ливонской войны XVI века последовали другие войны, и, наконец, в 1721 году, уже при Петре I, был подписан Ништадтский мир между Россией и Швецией, которая владела тогда большей частью прибалтийских земель. В результате победоносной для России Северной войны и Ништадтского мира эти земли – Ингерманландия, Эстляндия, Лифляндия – перешли к России. Прибалтика со всеми ее главными городами – Ригой, Ревелем, Дерптом, Нарвой, Выборгом, Кексгольмом, островами Эзелем и Даго, Моонзундским архипелагом – стала провинцией России.

– *То есть официально вошла в состав Российской империи?*

– Да, и примечательной особенностью Ништадтского договора явилось то, что он был заключен как «вечный, истинный и ненарушимый мир на земле и воде». С этой точки зрения он как бы пролонгирует бессрочное пребывание России на берегах Финского и Рижского заливов – хотя кто вспоминает сейчас об этом?

– *Кстати, такая тонкость: нельзя говорить, что Россия тогда захватила суверенные государства, лишив их независимости...*

– Нет, для населения балтийских провинций переход под власть России означал лишь смену владельца: своей государственности народы Прибалтики все равно никогда не имели – за исключением Литвы, одно время находившейся в унии с Польшей. Ништадтскому договору была суждена долгая жизнь: почти 200 лет.

– *То есть до тех пор, пока существовала могущественная Российская империя... Известно, между прочим, что народы в прибалтийских губерниях жили гораздо лучше, нежели в великорусских – достаточно сказать, что крепостное право здесь было отменено еще при Александре I.*

– Перемены произошли только в 1918 году. Вскоре после Октября 1917 года и под его влиянием левым силам удалось на краткое время провозгласить советскую власть в Эстонии, Латвии, Литве и даже в Финляндии. Затем при помощи германских войск эта власть была свергнута, и после перипетий Гражданской войны в 1918–1920 годах в Прибалтике и Финляндии утвердились буржуазные правительства, главным принципом которых была враждебность к коммунизму и России.

– *Позиция правительства далеко не всегда созвучна с интересами широких народных масс...*

– Потому левые силы в этих странах никогда не прекращали борьбы и представляли собой самостоятельную и относительно активную величину в общественно-политической борьбе. СССР признал эти правительства, и в течение 20 лет отношения прибалтийских республик с восточным соседом были в целом нормальными. Стоит также отметить, что эти государства, за исключением Латвии, не связывались открыто с Германией, ощущая угрозу с ее стороны.

– *Угрозу, что бы сейчас ни утверждали некоторые авторы, ощущало и руководство СССР и стремилось ее предотвратить.*

– Именно для этого 23 августа 1939 года был подписан советско-германский договор о ненападении, а 28 сентября – советско-германский договор о дружбе и границе. В Европе создалась новая ситуация: Польша временно перестала существовать как самостоятельное государство, германские войска вышли на «линию Керзона» и теперь нависали над западной границей СССР, создавая также угрозу государствам Прибалтики.

– *Германия высказывала какие-либо претензии к этим государствам? Анилоусу Австрии, вводу гитлеровских войск в Чехословакию предшествовали большие пропагандистские кампании.*

– Нет, официально Германия тогда на Прибалтику не претендовала. Однако и без того было понятно, что новая обстановка была опасной и для СССР, и для балтийских стран.

– *Опасность была очевидной, но можно ли было как-то ее устранить?*

– Думаю, что можно. Находясь в тот момент в отставке, Черчилль в качестве члена палаты общин английского парламента и оппозиционера правительству Чемберлена тщательно взывал к необходимости общей активизации британской политики на востоке Европы, включая принятие предложений СССР о коллективной безопасности, военно-политическом союзе Британии, Франции, СССР и предоставлении совместных гарантий безопасности Эстонии, Латвии, Литве. Он писал: «Если бы, например, по получении русского предложения Чемберлен ответил: “Хорошо. Давайте втроем объединимся и сломаем Гитлеру шею” или что-нибудь в этом

роде, парламент бы его одобрил, Сталин бы понял, и история могла бы пойти по иному пути. Во всяком случае, по худшему пути она пойти не могла».

– *Что же конкретно предлагал Черчилль?*

– В мае 1939 года он подчеркивал, пытаясь переубедить Чемберлена: «Нужно не только согласиться на полное сотрудничество России, но и включить в союз три прибалтийских государства – Литву, Латвию и Эстонию. Этим трем государствам с воинственными народами, которые располагают совместно армиями, насчитывающими, вероятно, двадцать дивизий мужественных солдат, абсолютно необходима дружественная Россия, которая дала бы им оружие и оказала другую помощь». Чемберлен этим словам не внял.

– *Почему?*

– Он еще не исчерпал тактики «умиротворения» Гитлера, и таким образом последние возможности сохранения мира были упущены. Он вообще был слеп и глух к любым контрпредложениям своему курсу. Но единому антигитлеровскому фронту противился не только Чемберлен – и «Восточный фронт» против гитлеровской Германии не мог быть создан не только из-за англо-французской «Мюнхенской политики» и активного противодействия Берлина. Можно сказать, что этот так и не созданный фронт был неизлечимо болен изнутри: тогдашние правительства Литвы, Латвии и Эстонии сознательно противодействовали любому плану, или предложению, которые предполагали участие Советского Союза или взаимодействие с ним.

– *Подобную же, простите, уzkолобую позицию заняла и Польша.*

– Такую же позицию занимали Польша, Румыния, Финляндия. Некоторые из этих государств дошли до того, что любую гарантию их неприкосновенности, данную советской стороной, объявляли... проявлением агрессии со стороны СССР! Столкнувшись с такой упрямой и непримиримой позицией, Черчилль констатировал: «Препятствием к заключению такого соглашения служил ужас, который эти самые пограничные государства испытывали перед советской помощью в виде советских армий, которые могли пройти через их территорию, чтобы защитить их от немцев и попутно включить в советско-коммунистическую систему. Ведь они были самыми яростными противниками этой системы. Польша, Румыния, Финляндия и три прибалтийских государства не знали, чего они больше боялись – германской агрессии или русского спасения. Именно необходимость сделать такой жуткий выбор парализовала политику Англии и Франции».

– *В общем, великие державы в очередной раз оставались в стороне, не беря на себя никакой ответственности...*

– А тем временем Германия уведомила Москву, что Прибалтика остается вне сферы ее интересов на востоке Европы. Это дало возможность СССР активизировать свои отношения со странами Балтии, и правительства этих стран были вынуждены заключить с Советским Союзом договоры о взаимной помощи. Договор с Эстонией был подписан 28 сентября, с Латвией – 5-го, а с Литвой – 10 октября 1939 года. Европа уже была охвачена войной, перестала существовать Польша, и прибалтийским странам было необходимо оставаться вне войны – любой ценой. Договоры с СССР воспринимались тогда общественностью этих стран как наименьшее из зол.

– *Следуя логике «больших величин», Советский Союз не мог ограничиться договорами о будущей взаимопомощи. Следовало делать все возможное, чтобы максимально обезопасить свои границы от возможной агрессии.*

– Разумеется, и в 1940 году в связи с ростом угрозы войны после поражения Франции, а затем падением Норвегии и возрастанием германской военной угрозы на западной границе Советским Союзом с правительствами прибалтийских стран были подписаны договоры о предоставлении нам военных и военно-морских баз на их территориях и о вводе и размещении на этих базах советских войск. В результате, как свидетельствует Уинстон Черчилль, «южный путь на Ленинград и половина береговой линии Финского залива оказались в кратчайший

срок блокированными советскими вооруженными силами на случай немецких поползновений. Открытыми оставались подступы только через Финляндию».

– *В общем, абсолютно логичное, стратегически продуманное решение.*

– Да, в военно-политическом плане целесообразность принятых мер сомнений не вызывает. Не случайно ведь эти договоры были признаны всеми – кроме США – государствами, имевшими дипломатические соглашения со странами Прибалтики. Договоры определяли статус наших воинских контингентов, в частности, их полное невмешательство во внутренние дела этих государств и строгое соблюдение правил при выходе или выезде за пределы отведенных им мест дислокации.

– *И все же, как реально отразилось присутствие советских войск на внутренней и внешней политике этих государств?*

– Оно, равно как и общее осложнение военно-политической обстановки, оказывало достаточно сильное влияние на общественную сферу в Прибалтике. В создавшейся ситуации «дрейф» этих стран в направлении к СССР и под его давлением был неизбежен. Явно оживилась деятельность левых, просоветски настроенных политических сил, хотя они и не преобладали. В итоге избранные на основании существовавших законов о выборах парламенты – народные сеймы Латвии и Литвы и государственная дума Эстонии – 21–24 июля 1940 года приняли декларации о восстановлении советской власти, о вступлении в состав СССР, о признании земли государственной собственностью и о национализации основных средств производства. На сессии Верховного Совета СССР 3–5 августа Литва, Латвия и Эстония вошли в состав СССР.

– *Как отреагировал на это Запад?*

– В частности, Уинстон Черчилль, не соглашаясь с включением Прибалтики в состав СССР, не отступил от главного в оценке событий – от признания неизбежности того, что было. Вот его общая оценка: «В пользу Советов нужно сказать, что Советскому Союзу было жизненно необходимо отодвинуть на запад исходные позиции германских армий, с тем чтобы русские получили время и могли собрать силы со всех сторон своей колоссальной империи. Их границы были значительно восточнее, чем во время Первой [мировой] войны. Им нужно было силой или обманом оккупировать прибалтийские государства и большую часть Польши, прежде чем на них нападут. Если их политика и была холодно расчетливой, то она была также в тот момент в высокой степени реалистичной».

– *Но ведь одно дело – личная оценка с позиций логики, а другое – официальная реакция на происшедшее...*

– Давайте уточним, что до поры до времени позиции великих держав и обмен взглядами между ними – все это было сферой секретной и особо секретной переписки. Хотя нельзя сказать, что в этом обмене Прибалтика играла серьезную роль. Москва просто не вступала в полемику, а Лондон и Вашингтон не были особо заинтересованы, чтобы ее вести. Соображения, высказанные Черчиллем, разделял и Рузвельт. Оба понимали, что Прибалтика не должна стать «яблоком раздора» для членов антигитлеровской коалиции. И вот пришло время личной встречи Рузвельта, Черчилля и Сталина в Тегеране 29 ноября – 1 декабря 1943 года. Основные положения достигнутых договоренностей были опубликованы в мировой печати; о Прибалтике не было сказано ничего.

– *Хорошо, но в феврале 1945 года, когда «большая тройка» встречалась в Ялте на Крымской конференции, обстановка на фронтах была уже совсем другая... Поднимался ли тогда вопрос о Прибалтике?*

– Тогда было выработано и широко распространено в мире Коммюнике об итогах работы конференции. В нем были такие разделы, как «Разгром Германии», «Оккупация Германии и контроль над ней», «Конференция Объединенных наций», «О Польше», «О Югославии» и другие. Остановимся на «Декларации об освобожденной Европе». Здесь, в частности, говорилось:

«В соответствии с принципом Атлантической хартии о праве всех народов избирать форму правительства, при котором они будут жить, должно быть обеспечено восстановление суверенных прав и самоуправления для тех народов, которые были лишены этого агрессивными нациями путем насилия». Обратите внимание на слова «агрессивными нациями». Речь шла о нацистской Германии и ее союзниках. К отношениям СССР со странами Балтии эта фраза отношения не имеет.

– *То есть какими бы разоккупированными иные из прибалтов себя сегодня ни называли, руководители великих держав их таковыми не считали.*

– Чтобы закрыть тему, вспомним Берлинскую – Потсдамскую – конференцию СССР, США и Великобритании 17 июля – 2 августа 1945 года. Сообщение о ней было опять-таки опубликовано и широко растиражировано по всему миру. В нем содержатся разделы: «Учреждение Совета Министров иностранных дел», «О Германии», «Город Кёнигсберг и прилегающий к нему район»...

– *Насколько понимаю, этот город вызвал у союзников гораздо больший интерес, нежели страны Балтии?*

– Как видите, и в данном разделе я хотел бы обратить внимание на такие слова: «Конференция согласилась в принципе с предложением советского правительства о передаче Советскому Союзу города Кёнигсберга и прилегающего к нему района, как описано выше». Есть также разделы «О военных преступниках», «Об Австрии», «О Польше», «О заключении мирных договоров и о допущении в Организацию Объединенных Наций», «О неподпечных территориях», «О пересмотре процедуры союзных контрольных комиссий в Румынии, Болгарии и Венгрии», «Упорядоченное перемещение германского населения», «Переговоры по военным вопросам».

– *А как же Прибалтика?*

– Ни в стенограммах заседаний конференции, ни в итоговых ее документах упоминаний о Прибалтике нет! То есть все три великие конференции военного времени не видели «проблемы Прибалтики», они исходили из понимания, что Эстония, Латвия и Литва являются интегральными, неотъемлемыми частями советской территории.

– *То есть входят в те границы, которые до последнего времени со всех точек зрения считались нерушимыми.*

– Да-да-да, и отсюда следует важный вывод: СССР вышел из Второй мировой войны без каких-либо международно-правовых обязательств, касающихся Прибалтики. Мы не были обязаны или должны менять что-либо, касающееся Эстонии, Латвии и Литвы. Еще одним шагом в закреплении такого понимания и подхода стала Международная конференция по безопасности и сотрудничеству в Европе, проходившая в Хельсинки в 1975 году. Она подтвердила принцип нерушимости существующих в Европе границ – следовательно, и границ СССР и всех входивших в него республик, включая прибалтийские. Поэтому нам нет необходимости извиняться за наше возвращение в 1945 году на берега Балтики. Это было возвращение на международно признанные границы СССР 1940 года.

– Население прибалтийских республик жило гораздо лучше многих других, в особенности России, а теперь они, простите, «права качают». А справедливо ли это?

– Знаете, мир и добрососедство стоят дороже, чем что-либо другое... Конечно, именно союзное финансирование и кооперация усилий преобразили экономику стран Балтии. Вспомним, чем были эти страны в экономическом плане до войны. Не желая никого обидеть, уточню: они были аграрно-сырьевыми придатками Европы. Они поставляли на европейские рынки картофель, свинину, молочную продукцию, рыбу. Если бы ситуация оставалась прежней, что могла бы предложить Прибалтика объединенной Европе, которую раздирают картофельные, мясо-молочные, рыбные, яблочные, винные и прочие сельскохозяйственные войны?.. В том-то и дело, что Прибалтика теперь – это высокоразвитые в научно-производственном отношении

страны с научным потенциалом, транспортными коммуникациями, нефтепереработкой и т. д. Откуда все это?

– «Оккупанты», как нас сегодня называют в странах Балтии, создали, откуда же еще?

– Согласен. Не говорю уже о восстановлении того, что было разрушено и уничтожено в ходе Второй мировой войны. А ведь прямой ущерб от войны составлял в Латвии 20, в Литве – 17, в Эстонии – 16 миллиардов рублей в ценах 1941 года. На территории Прибалтики остались от советского времени санатории и пансионаты, предприятия точного машиностроения, тонкой нефтепереработки, до сих пор приносящие прибыль. Были введены в эксплуатацию Игналинская АЭС, Каунасская ГЭС, Литовская ГРЭС, Мажейский нефтеперерабатывающий завод, станкостроительный завод «Жальгирис» в Вильнюсе. Эстонии достался весь новейший рефрижераторный флот СССР.

– Известно, что буквально накануне развала СССР был выстроен современнейший Новоталлинский порт, оказавшийся роскошнейшим подарком для наших эстонских друзей...

– Кстати, накануне распада СССР промышленность в Прибалтике за каждые 5 дней выпускала столько же продукции, сколько за весь 1940 год. Особо надо сказать о формировании кадров научно-технической интеллигенции – ведь именно с ней связаны качество экономического развития, его темпы, инновационные перспективы. Так, в Латвии и в Литве в 1940 году было по 7 вузов с 19,5 тыс. студентов в каждой республике, в Эстонии – 5 вузов и 7 тысяч студентов. Накануне распада СССР эти цифры выглядели так: в Латвии – 10 вузов и 103,3 тысячи студентов, в Литве – 7 и 125 тысяч, в Эстонии – 5 и 45,4 тысячи студентов.

Численность врачей в Литве в 1940 году составляла 2,8 тысячи, а в 1987-м – 15,8 тысячи, в Латвии – 2,5 и 12,8 тысячи, в Эстонии – 1,1 и 7,4 тысячи. Прибалтика при советской власти процветала, и на этой основе пожелаем ей дальнейшего устойчивого и эффективного развития. Но не надо забывать основу этого развития – того, что было создано благодаря её вхождению в СССР в 1940 году.

«Упредить противника в развертывании...»

Юрий Никифоров, кандидат исторических наук

Еще в 1991–1993 годах в ряде изданий были опубликованы некоторые из важнейших документов советского Генерального штаба, датируемые осенью 1940 – весной 1941 года, значительно расширившие наши представления о подготовке СССР к возможной войне. Наибольший интерес вызвал документ, названный при первой публикации «Соображения по плану стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками». Большинство исследователей он был интерпретирован как план превентивного удара, нанести который руководство Генштаба якобы предлагало И.В. Сталину в мае 1941 года.

Однако известно, что «Соображения...» никогда не были действующим документом, Сталин решительно отклонил предложение Генштаба. Кроме того, некоторые исследователи, на мой взгляд, слишком поспешно согласились считать это тем планом, согласно которому предполагалось открыть военные действия войсками Красной Армии. Ведь все истолкование «Соображений...» Генштаба как плана «упреждающего удара» основано лишь на двух абзацах документа, предваряющих изложение целей и задач, ставившихся перед войсками Красной Армии. В них содержался важный вывод, следовавший из констатации того факта, что Германии не нужна мобилизация: «Учитывая, что Германия в настоящее время держит свою армию отмобилизованной, с развернутыми тылами, она имеет возможность предупредить нас в развертывании и нанести внезапный удар. Чтобы предотвратить это, считаю необходимым ни в коем случае не давать инициативы действий германскому командованию, упредить противника в развертывании и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет еще организовать фронт и взаимодействие родов войск».

После же перечисления задач, поставленных перед войсками фронтов, предлагалось: «Для того, чтобы обеспечить выполнение изложенного выше замысла, необходимо заблаговременно провести следующие мероприятия, без которых невозможно нанесение внезапного удара по противнику как с воздуха, так и на земле:

1. Произвести скрытое отмобилизование войск под видом учебных сборов запаса;
2. Под видом выхода в лагеря произвести скрытое сосредоточение войск ближе к западной границе, в первую очередь сосредоточить все армии резерва Главного командования;
3. Скрыто сосредоточить авиацию на полевые аэродромы из отдаленных округов и теперь же начать развертывать авиационный тыл;
4. Постепенно под видом учебных сборов и тыловых учений развертывать тыл и госпитальную базу».

Отметим, что в тексте упомянутых выше двух абзацев, как и в остальной части документа, нет прямых указаний на то, что авторы плана имеют в виду открытие военных действий войсками Красной Армии. Слова и выражения «упредить», «атаковать», «нанести внезапный удар» на уровне быденного языка лишены того смысла, который в них вкладывают исследователи, интерпретируя весь отрывок в целом.

В ходе любой войны войска сторон обмениваются ударами, внезапность которых для противника – важнейшая предпосылка победы, одно из слагаемых военного искусства. Например, в ноябре 1942 года наши войска нанесли по противнику внезапный удар под Сталинградом. Так что атаковать противника, достигая при этом внезапности, можно и в ходе войны. Затруднение вызывает тот факт, что сделать это авторы «Соображений...» предполагали, «упредив» противника в развертывании.

Даже историкам, привыкшим писать о «вероломном и внезапном» нападении Германии, произошедшем 22 июня 1941 года, трудно представить себе, что война могла начаться как-то иначе. Некоторые авторы, приводя цитаты из работ М.Н. Тухачевского, свидетельствующие о наступательных задачах армий прикрытия, пытаются утверждать, что «советская военная наука... считала, что ныне войны не объявляются, а начинаются внезапным ударом». В то же время известно – и это неоднократно подчеркивалось в литературе, – что советские военные теоретики по-разному определяли содержание начального периода войны. Дискуссия по этому вопросу в ту пору еще не была завершена, о чем свидетельствуют публикации 1941 года в военных журналах. Рассекреченные документы предвоенного планирования только подтверждают тот факт, что наше военное руководство исходило из такого представления о начальном периоде войны, в соответствии с которым начало войны и вступление в нее главных сил противоборствующих сторон хронологически не совпадают. Военные действия в этот период должны были вестись ограниченными силами с целью помешать развертыванию основных сил противника.

Кроме того, следует учитывать, что от правильных теоретических представлений значительная дистанция до усвоения или хотя бы знакомства с ними основной массы военных – практиков, чья военно-теоретическая подготовка, что общепризнанно, оставляла перед войной желать лучшего. Рассекреченные материалы декабрьского 1940 года совещания высшего командного состава РККА показывают, что советское военное командование не уделяло рассмотрению вопроса начала войны достаточного внимания. Так, за исключением начальника штаба Прибалтийского особого военного округа генерала П.С. Клёнова, ни один из выступавших на совещании генералов не коснулся этой проблемы. Клёнов безотносительно к обсуждаемому в тот момент вопросу решил высказаться по поводу только что опубликованной книги комбрига Г.С. Иссерсона «Новые формы борьбы» и подверг критике утверждение, что в предстоящей войне начального периода в прежнем его понимании не будет.

«Вопрос о начальном периоде войны, – сказал он, – должен быть поставлен для организации особого рода наступательных операций. Это будут операции начального периода, когда армии противника не закончили еще сосредоточение и не готовы для развертывания. Это операции вторжения для решения особого рода задач... Это воздействие крупными авиационными и, может быть, механизированными силами, пока противник не подготовился к решительным действиям, на его отмотилизование, сосредоточение и развертывание, для того чтобы сорвать их, отнести сосредоточение в глубь территории, оттянуть время».

Сам факт, что выступление Клёнова не послужило поводом для дальнейшего обсуждения этого принципиального вопроса, что больше никто из выступавших его не поднимал, свидетельствует о том, что либо в руководстве РККА господствовала данная точка зрения и ее противники не желали решительно высказаться в пользу позиции Иссерсона, либо эта проблема действительно находилась на периферии интересов присутствовавших на совещании. Учитывая, что книга Иссерсона была опубликована в 1940 году, вполне вероятно, что многие участники совещания могли просто не успеть еще с ней ознакомиться.

Нет видимых оснований сомневаться в правоте и искренности Г.К. Жукова, когда он говорил о том, что, хотя военная теория тех лет и была на уровне времени, однако практика «отставала от теории». «При переработке оперативных планов весной 1941 года, – писал Жуков, – практически не были полностью учтены особенности ведения современной войны в ее начальном периоде. Нарком обороны и Генштаб считали, что война между такими крупными державами, как Германия и Советский Союз, должна начаться по ранее существовавшей схеме: главные силы вступают в сражение через несколько дней после приграничных сражений».

Хотя А.М. Василевский утверждал, что руководство Генштаба исходило «при разработке плана... из правильного положения, что современные войны не объявляются, а они просто

начинаются уже изготовившимся к боевым действиям противником...», тем не менее, писал он, «план по старинке предусматривал так называемый начальный период войны продолжительностью 15–20 дней от начала военных действий до вступления в дело основных войск страны...» Как видим, непосредственные разработчики плана признавали, пусть и с оговорками, совершенную ими ошибку.

Какие подтверждения этому можно найти в рассекреченных недавно документах планирования?

Авторы «Соображений...», поставив задачу войскам Западного фронта «ударом... нанести решительное поражение германским армиям, сосредотачивающимся на территории Восточной Пруссии», прямо указывали: «В течение 20 дней сосредоточения войск и до перехода их в наступление... активной обороной, опираясь на укрепленные районы, обязаны прочно закрыть наши границы и не допустить вторжения немцев на нашу территорию». Таким образом, «нанесение удара» планировалось на 20-й день от начала сосредоточения, прикрывать которое следовало «активной обороной». Разработанным в штабе КОВО планом развертывания войск округа на 1940 год предусматривалось, что они будут готовы к переходу в наступление на 30-й день мобилизации, причем сосредоточение и развертывание должны были проводиться после начала войны. В ходе первого – оборонительного – этапа предполагались «уничтожение живой силы наступающего противника» и нанесение авиацией «мощных ударов» по железнодорожным узлам с целью «нарушить и задержать сосредоточение немецких войск».

Еще одно подтверждение дают проведенные после декабрьского совещания оперативно-стратегические игры на картах. Задания на обе игры для противоборствующих сторон были составлены таким образом, что из них полностью исключались операции начального периода войны. Не входила отработка операций начального периода войны и в учебные цели игр. Их организаторы, видимо, считали само собой разумеющимся, что войска прикрытия справятся со своей задачей. Особенно примечательно здесь то обстоятельство, что, согласно условиям, «западные» совершили нападение на «восточных», не завершив развертывания.

Допустим, однако, что весной 1941 года руководство Генштаба осознало факт несоответствия своих представлений о начале войны реально складывавшейся обстановке, что и нашло свое отражение в тексте «Соображений...». В этой связи несомненный интерес представляют документы, относящиеся к маю и июню 1941 года, свидетельствующие, что устаревшее представление о начальном периоде войны сохранялось у руководства РККА до самого 22 июня.

Например, задачи обороны в директивах, отданных Генштабом в мае 1941 года в Киевский и Западный особые военные округа, определяются следующим образом: «Упорной обороной укреплений по линии Госграницы прочно прикрыть отмобилизованные, сосредоточенные и развертываемые войска округа... Активными действиями авиации завоевать господство в воздухе и мощными ударами... нарушить и задержать сосредоточение и развертывание войск противника». Ниже определялось количество боеприпасов, которое разрешалось израсходовать до пятнадцатого дня мобилизации. Таким образом, составители директив исходили из того, что военные действия начнутся до окончательного отмобилизования и сосредоточения главных сил Красной Армии и, что не менее существенно, немецкие войска также будут заканчивать сосредоточение и развертывание уже после начала боевых действий. На основе этой директивы в штабе КОВО был разработан окружной план, в котором командование округа повторяет основные положения директивы Генштаба: «...разрушением ж/д мостов и узлов Ченстохова, Катовице, Краков, Кельце, а также действиями по группировкам противника нарушить и задержать сосредоточение и развертывание его войск». Учтем, что никаких наступательных задач войскам округа не ставится – только оборона.

Может быть, Д.Г. Павлов и В.Е. Климовских думали иначе? В «Записке по плану действий войск в прикрытии», составленной в ЗапОВО, авиации ставилась такая же задача: «... нарушить и задержать сосредоточение войск противника».

А что же командование ПриОВО? Говоря о задачах разведки, составители плана в этом округе указывали: «Цель разведки – с первого дня войны вскрыть намерения противника, его группировку и сроки готовности к переходу в наступление». Яснее не скажешь – война начнется как-то иначе, но не решительным наступлением главных сил противника.

Можно всё же допустить, что руководство Генштаба весной 1941 года осознало ошибочность подобных представлений, и фраза, открывающая майские «Соображения...», свидетельствует именно об этом. Предположим, придя к выводу, что начального периода войны в прежнем его понимании не будет, Жуков и Василевский предлагали Сталину первыми начать военные действия. Но убедить Сталина им, судя по развитию событий, не удалось.

Итак, если исходить из того, что советское командование продолжало придерживаться устаревших взглядов на начальный период войны, следует признать, что выражения «предупредить в развертывании», нанести «внезапный удар» не обязательно в данном контексте должны означать «осуществить нападение». Если планировалось, что на развертывание войск и той, и другой стороне потребуется какое-то время уже после начала войны – другими словами, «нанесение удара» и начало войны хронологически не совпадают, – то выражение «упредить в развертывании» должно пониматься как стремление осуществить его в более короткий срок, чем это сделает противник. И затем, естественно, нанести удар первым.

Отметим, что в мае – июне 1941 года советской стороной предпринимались меры по сосредоточению войск второго стратегического эшелона. Меры же по приведению в боевую готовность войск армий прикрытия носили явно половинчатый и запоздалый характер. Поскольку очевидно, что силами войск прикрытия никакого «упреждающего удара» наносить не собирались, о чем свидетельствуют уже известные планы приграничных округов, в случае же начала войны именно им в первую очередь предстояло вступить в сражение, то интерпретация указанного отрывка «Соображений...» как свидетельства понимания советским командованием характера предстоящего военного столкновения выглядит тем более сомнительной.

Отметим еще, что в самом тексте «Соображений...» можно найти свидетельства в пользу того, что этот документ нельзя безоговорочно трактовать как план нападения на Германию.

«Соображения...» составлены «на случай войны с Германией». Приводя данные о количестве немецких дивизий, которые будут выставлены против Советского Союза, авторы плана прямо пишут, в каком именно «случае» эта война может произойти: «Предполагается, что в условиях политической обстановки сегодняшнего дня Германия, в случае нападения на СССР, сможет выставить против нас... до 180 дивизий».

Надо думать, если бы советским командованием рассматривался другой вариант развития событий, оценка немецких сил делалась бы и на этот случай. Кроме того, планируя первыми начать войну, советское командование должно было бы определить срок готовности войск к наступлению. Отсутствие такого рода даты уже весьма симптоматично.

Зато в тексте «Соображений...» сказано: «Необходимо всемерно форсировать строительство и вооружение укрепленных районов, начать строительство укрепрайонов на тыловом рубеже Осташков, Почеп и предусмотреть строительство новых укрепрайонов в 1942 году на границе с Венгрией, а также продолжать строительство укрепрайонов по линии старой Гостраницы». Согласившись считать «Соображения...» предложением начать войну летом 1941 года – причем предполагалось, что Красная Армия будет наступать, – историки должны объяснить, почему Генштаб через год военных действий рассчитывал строить укрепления «на тыловом рубеже Осташков – Почеп» или на линии старой госграницы.

Интерпретация цитированных выше абзацев документа как предложение начать войну летом 1941 года не согласуется и со многими другими фрагментами текста. Известно, что,

осуществляя мероприятия по скрытому от мобилизации и сосредоточению войск Красной Армии, советский Генеральный штаб своими директивами поставил перед войсками приграничных округов исключительно оборонительные задачи. Более того, командование КОВО запланировало меры по инженерной подготовке театра военных действий – в частности, сосредоточение дополнительного количества мин и колючей проволоки – на июль и август 1941 года.

На наш взгляд, все эти противоречия свидетельствуют о том, что интерпретация «Сообщений...» как предложения начать войну в корне неверна. Разрешить же их можно в том случае, если признать, что фраза документа о необходимости «нанести внезапный удар» в данном случае не тождественна предложению открыть военные действия. Составители плана, учитывая возможность начала войны летом 1941 года, предлагают И.В. Сталину заблаговременно осуществить необходимые мероприятия, которые позволили бы войскам Красной Армии уже после начала войны нанести по противнику «внезапный удар», упредив его в развертывании основных сил.

Советское руководство допустило ошибку, считая, что вступление в сражение главных сил сторон не совпадет хронологически с началом военных действий, и именно поэтому рассчитывало упредить противника с нанесением удара главными силами, а не только войсками армий прикрытия. В действительности, мы знаем, все получилось иначе.

«Внезапный переход в наступление в таких масштабах, притом сразу всеми имеющимися и заранее развернутыми на важнейших стратегических направлениях силами, то есть характер самого удара, во всем объеме нами не предполагался, – признавался Маршал Советского Союза Г.К. Жуков. – Ни нарком, ни я, ни мои предшественники Б.М. Шапошников, К.А. Мерецков и руководящий состав Генерального штаба не рассчитывали, что противник сосредоточит такую массу бронетанковых и моторизованных войск и бросит их в первый же день мощными компактными группировками на всех стратегических направлениях с целью нанесения сокрушительных рассекающих ударов».

Объекты глубинного заложения

Специальный корреспондент газеты «Красная звезда» Николай Пальчиков

С так называемыми «бункерами Сталина» связано множество мифов. Впервые о них журналисты попытались рассказать в 1992 году. Однако до сих пор многие «тайны подземелья» до конца не раскрыты. И только недавно корреспондентов «Красной звезды» появилась возможность побывать в одном из таких бункеров, расположенных на окраине Москвы.

Как это начиналось

В 1930-х годах Москва заканчивалась сразу за Московской окружной железной дорогой. И если бы вы имели возможность облететь столицу вдоль МОЖД, то в районе огромного Измайловского лесопарка увидели бы разве что подмосковные деревушки – Измайлово и Черкизово. Однако вскоре там появилась станция метрополитена «Измайловский парк», ныне «Партизанская». А еще там проложили две дороги (ныне шоссе), ведущие из столицы на восток, – Измайловскую и Щелковскую. В те же годы в районе нынешних 5-й и 15-й Парковых улиц были построены два аэродрома – Дальней авиации и ПВО. Несколько дальше находились аэродромы Чкаловский и в Монино. На восток уходила и железнодорожная ветка, которая обнаруживалась только после станции метро «Измайловский парк» перед нынешней «Измайловской». Это и была известная сотням тысяч пассажиров столичного метро средняя линия на нынешней станции «Партизанская».

С 1936 года весь район Измайлова стал запретной зоной. Как и почти все, что строилось в предвоенное десятилетие, – там создавался объект двойного назначения. Тракторные заводы в те годы по сигналу могли переходить на выпуск танков, даже макаронные цеха были способны сразу переключаться на выпуск пороховых «макарон» для артснарядов.

Официально объект назывался «Центральный стадион СССР имени И.В.Сталина» – самый большой в стране – на 200 тысяч зрителей со 142 тысячами пронумерованных мест. Спортивный комплекс по плану включал в себя, кроме спортивной арены, здание для спортивно-тренировочной подготовки и общежитие. Все это располагалось метрах в 500 от уже построенной станции метро. Но в 1939-м строительство заморозили: во-первых, уже началась Вторая мировая война и все средства были направлены на подготовку к обороне от возможного нападения немцев. А во-вторых, главный объект, прикрытием которого служил стадион и особенно его третий, недостроенный, ярус трибун, был уже завершен. Это был запасной командный пункт – сначала ГКО (Государственного Комитета Обороны), а с началом Великой Отечественной – запасной командный пункт (ЗКП) Ставки Верховного Главнокомандования. По некоторым свидетельствам, вождь ознакомился с объектом ещё в апреле 1940-го.

Легко предположить, что кортеж автомашин двигался тогда (для апробирования) по специально проложенному 17-километровому тоннелю, въезд в который начинался прямо у Спасских ворот Кремля. В дальнейшем тоннель шел под зданием НКВД (КГБ-ФСБ) на Лубянской площади, проходил рядом с бункером МПВО, оборудованным в метро «Кировская» («Чистые пруды»), – туда можно было спуститься на лифте из приемной Наркомата на улице Кирова (Мясницкой), 37. Затем автотоннель уходил параллельно тоннелю метро в сторону бункера «Измайлово», куда можно было попасть и по его Сокольническому ответвлению.

Наша справка. Спецобъект глубинного залегания у станции метро «Кировская» имеет несколько подземных уровней, нижняя точка которых находится на 70-метровой глубине. Он

построен в 1937–1940 годах для штаба МПВО и командного пункта НКВД. В начале войны сюда переехала Ставка ВГК. Поезда там не останавливались. Перрон был отгорожен высокой стеной, за которой оборудовали рабочий кабинет для Верховного Главнокомандующего и узел связи с любым абонентом.

Размеры тоннелей между спецобъектами были стандартными – под КУНГ (кузов универсальный нормальных габаритов), то есть позволяли проезд не только легковых автомобилей, но и тяжелых танков и вагонов. Крепежом служили обычные чугунные тубинги, применявшиеся в метрострое. Вентиляция также устроена по технологии метро: поезд через воздухозаборные шахты как поршень выдавливает воздух впереди себя и затягивает его за собой.

После реконструкции, проведенной в середине 1990-х, видно, что при желании машина Сталина могла бы въехать прямо в зал заседаний Ставки: двери из тоннеля находятся напротив дверей в бункер. Однако на 15-метровой глубине под железобетонными сводами толщиной до 6 метров для машин и танков вокруг бункера имелась огромная стоянка, на которой свободно размещались автомобили и 150 танков КВ и даже небольшой ремзавод для них. Часть тяжелых танков была переоборудована под салоны. В сталинском танке предусматривалось даже место для личного врача.

Сами танки предназначались для прорыва из возможного окружения с задачей пробиться к одному из названных выше аэродромов или двигаться своим ходом к удаленным ЗКП в других городах. На железнодорожной (средней) ветке метро стоял в готовности и бронепоезд. Собственно говоря, этот ЗКП и считается промежуточным пунктом для эвакуации.

Сегодня от бункера в Измайлове остались почти в прежнем виде только четыре помещения. Это проход-проезд в зал заседаний Ставки, сам зал, посередине которого стоит огромный, отличного дерева стол в виде незамкнутого кольца под куполом, кабинет Сталина, а также переоборудованная в наше время под ресторан столовая, правая стена которой, как и все другие, выложена из гранита толщиной до 4 метров.

Бункер спроектировали в мастерской профессора архитектуры Н.Я. Колли, который создавал также станции метро «Кировская», «Парк культуры» и «Павелецкая»-кольцевая.

Выполнять двойное назначение – служить и бомбоубежищами для москвичей – призваны были и другие станции глубокого залегания. Это была, в частности, станция «Маяковская», которую, как и «Площадь революции», спроектировал архитектор А. Дужкин. Бомбоубежища в метро во время Великой Отечественной войны оборудовались туалетами, фонтанчиками с питьевой водой, после 18 часов движение поездов прекращалось и на перронах и на рельсах укладывали щиты для сна. Около 300 детишек родили в метро московские мамы в годы войны! Так что не зря Сталин заглядывал вперед на десяток лет.

Огромный бункер для штаба Гражданской обороны столицы должен был размещаться между станциями метро «Театральная» и «Маяковская», на этом месте теперь три станции – «Тверская», «Пушкинская» и «Чеховская». А тогда станцию хотели назвать «Столичной». Сейчас там между станциями и на поверхности находится управление МЧС Центрального региона.

ЗКП ВГК «Измайлово»

Но вернемся в Измайлово. Зал заседаний и сегодня удивляет своим качеством. Это просторное помещение площадью до 80 кв. метров с 5-метровым потолком и куполом над столом. Купол поддерживают четыре метрового диаметра колонны. Кажется, что они сделаны из итальянского мрамора, но на деле это искусно декорированный железобетон. «Лепнина» на куполе и в виде фриза на выкрашенных под мрамор стенах – тоже весьма искусное украшение: она нарисована, но так, что создается полное впечатление объемности.

Купол придуман архитектором специально под негромкий голос Сталина: это резонатор, усиленные четкие звуки с которого достигают каждого сидящего за столом заседаний. Для смягчения резонанса во время заседаний внутри стола на полу лежал ковер, иначе звук под самим куполом «бил по ушам».

Вдоль стен стоят столы с аппаратами для офицеров связи и стенографистов. В торцевой стене зала раньше размещалась большая карта из плексигласа с положением на фронтах. Обстановку стеклографами наносили офицеры-операторы Генштаба, сидящие за ней в наушниках от телефонов. По настоянию ветеранов Железной дивизии, поддержанному тогдашним министром обороны И. Родионовым, сегодня там устроена небольшая сцена.

А еще в зале установлены бюсты Суворова и Кутузова, которые есть во всех ЗКП Ставки военного времени: думается, они были своего рода символами для Сталина и примером-напоминанием для членов Ставки и руководства наркомата обороны.

Кабинет Сталина удивляет небольшими размерами и скупой обстановкой: рабочий стол с двумя телефонами, лампа, пустая ныне красная папка для документов, пепельница с трубкой (разумеется, уже не сталинской), диванчик для отдыха, этажерка с книгами. На стене три портрета – Маркса, Энгельса, Ленина. И зачем-то спустя десятилетия установлен бюст Сталина с погонами маршала, который в 1941-м не имел никакого воинского звания.

В интерьере столовой-ресторана вдоль стен в стеклянных коробах выставлены муляж ордена Победы (впрочем, сделанный мастерски – основа самого ордена, как известно, изготавливалась из платины, в центре – золотой медальон с изображением Кремля; красные лучи звезд выполнены из рубинов; по периферии – 121 бриллиант общим весом 16 карат), френч Сталина, по которому можно судить о небольшом его росте, патефон с набором пластинок с выступлениями вождя, некоторые другие экспонаты.

Свежий воздух сюда подается по технологии, которую применяли при строительстве храмов: система действует за счет множества вентиляционных труб, скрытых от глаз. Но было прохладно, хотя в ноябре – начале декабря 1941-го, когда здесь работал Сталин и заседала Ставка, температура наверняка поддерживалась комнатная. Значит, имелись компрессоры с терморегуляторами. И, конечно же, где-то вдалеке, чтобы не шумели, были установлены мощные дизели для энергообеспечения, принудительной подачи воды и канализации, а также вытяжки кухонных запахов. Имелись холодильники для продуктов, большие запасы топлива для них, танков и автомашин. Были помещения для отдыха членов Ставки, генералов и офицеров Генштаба и НКО, а также для охраны и рабочих. А линии связи и коммутатор? От них сегодня вряд ли что-то осталось...

Для интереса заглянули в туалет. Разумеется, после евроремонта четыре его кабинки и умывальники не похожи на те, которые когда-то обслуживали около ста человек. Но зато они, как и переделанная кухня, заставляют задуматься о системе жизнеобеспечения и истинных размерах бункера.

Удивительное дело: в 2005 году о бункерах Ставки не знал даже директор Историко-документального департамента МИД РФ А.А. Чурилин, а также эксперт по истории Второй мировой и Великой Отечественной войн, кандидат исторических наук, почетный профессор Европейского университета Б.И. Невзоров. На заседании «круглого стола» в редакции «Красной звезды» в канун 60-й годовщины Победы они и завели такой диалог.

ЧУРИЛИН: Вспомним всем известный случай, когда в ГКО обсуждался вопрос: а где подготовлен командный пункт для Ставки Верховного Главнокомандования? Никто раньше даже не подумал, что может потребоваться такой командный пункт – со всеми системами управления, защищенностью, с охраной...

НЕВЗОРОВ: Предусматривалось, что наше командование будет управлять Вооруженными Силами с рабочих мест Наркомата обороны, Генштаба. Но получилось, что, как только начались налеты на Москву, офицеры оперативного управления брали документы и ехали

на станцию метро «Белорусская», где им отвели половину подземного зала; вторая половина заполнялась москвичами – женщинами, детьми... Вопрос оказался непродуманным: не было даже центрального командного пункта, и это, безусловно, сказывалось на вопросах управления войсками.

Им ответил генерал армии **В.Н. ЛОБОВ**: Позвольте, а как быть с Куйбышевым, где были заранее подготовлены не только командный пункт, но и места для всего правительства? А КП на Чистых прудах, откуда Сталин управлял даже отражениями налетов авиации на Москву? Можно съездить в Измайлово, там есть стадион, а под ним, на глубине 20 метров, – запасной железобетонный КП. Кабинет Сталина, места для работы всех, так сказать, органов управления... Об этом нигде не прочитаешь, а реально – есть! Мне там приходилось бывать – и по долгу службы, и ради любопытства...

ЧУРИЛИН: Но почему же в мемуарах Штеменко рассказывается о том, как спохватились, где же подготовлен КП для Ставки, и выяснили, что нигде не подготовлен?

ЛОБОВ: Может быть, в то время не надобно было об этом писать?

Ситуацию с мемуарами разъяснил доцент Московского государственного открытого педагогического университета им. М.А. Шолохова **Ю.А. НИКИФОРОВ**: Мемуары наших военачальников создавались под воздействием XX съезда и принятых на нем решений, а потому многие вопросы так и остались не изучены. Нужны источниковедческие работы, которые позволили бы посмотреть, какое и на кого лично оказывалось давление по поводу того, что писать и что не писать. Но эта работа еще впереди...»

Последнее прямо касается того, почему во времена Никиты Хрущева о масштабной подготовке к войне почти не говорилось. С подачи Хрущева утверждалось, что никакой прозорливости у диктатора якобы не было и полководец он был никакой – руководил войсками по глобусу... Хотя на деле все было иначе: для Верховного постоянно обновлялась карта с детальным положением на фронтах, он знал пофамильно всех командиров дивизий и подготовкой к войне руководил так, что «...текли куда надо каналы и в конце куда надо впадали...»

Тайны спецубежищ

Это в известной мере относится и к бункеру Ставки ВГК в Измайлово. Если учесть, что это был первый подобный объект, то его размеры можно представить себе по совершенно секретному тогда постановлению ГКО № 945 сс от 22 ноября 1941 года «О строительстве специальных убежищ в городах Саратове, Ярославле, Горьком, Казани, Ульяновске, Куйбышеве, Сталинграде», хранящемся в Российском госархиве социально-политической истории.

«ГКО постановляет построить в перечисленных городах командные пункты-бомбоубежища. Строительство, помимо Куйбышева, производить по типу, принятому для города Горького, с полезной площадью в Горьком – 300 квадратных метров, в Саратове, Ярославле, Казани, Ульяновске, Сталинграде – 200 квадратных метров...

К работе приступить с 1 декабря 1941 года и закончить к 20 января 1942 года. Руководство строительством поручить НКВД СССР, а непосредственное выполнение работ возложить на Метрострой НКПС СССР... На члена ГКО товарища Берия возложить наблюдение за выполнением настоящего постановления. И. Сталин».

Было в постановлении сказано и о начале проектировочных работ – приступить с 25 ноября! То есть их следовало завершить через пять дней. И это было выполнено, а строительство завершено 15 января, о чем и доложил в Кремле Берия, куратор этого подземного строения.

О быстроте исполнения проектов можно судить по такому примеру: под землю в центре Куйбышева, который был «запасной столицей» на случай захвата Москвы, поместили бункер, скопированный архитектором Юлианом Островским со станции метро «Аэропорт». Говорят, что там отсутствовали всего лишь рельсы вдоль перрона.

Строительство шахты для лифта на 37-метровую глубину и лестницы в 192 ступени непосредственно из подвала здания Куйбышевского обкома даже мысленно представить трудно. Хотя, конечно, могли, но только вручную, как в деревнях роют колодцы. Выкладывают в нужном месте бетонное кольцо и внутри начинают копать. Кольцо оседает, а на него устанавливают следующие, продолжая выбирать землю ведрами. Но чтобы привезти в здание обкома метростроевские тубинги – так они же ни в какие ворота не пройдут!

Иными словами, строительство вели метростроевцы (а отнюдь не технически не подготовленные заключенные) и въезд в убежище по линии метро тоже был вполне вероятен.

Из ряда источников известно, что для выполнения работ из Москвы в Куйбышев (Самару) с 3 по 23 ноября 1941 года прибыли 2900 рабочих, 800 инженерно-технических работников и 400 служащих Метростроя. Со всех была взята подписка о неразглашении. К тому же есть рассекреченный акт о приемке «Объекта № 1».

Объект был сдан в эксплуатацию 6 января 1942 года, но не эксплуатировался до 1990-х годов, когда было принято решение о превращении его в музей. И если часть бункера «Измайлово» – это филиал Центрального музея Вооруженных Сил РФ, то «Объектом № 1» ведает Главное управление по делам ГО и ЧС Самарской области.

Из Акта правительственной комиссии по приемке спецобъекта: *«Объект расположен на территории двора областного Комитета ВКП(б) и представляет собой бомбогазоубежище 1-й категории, предназначенное для укрытия и работы ста человек во время воздушного нападения...»*

Объект имеет 4 рабочие комнаты по 23 кв. метров каждая, зал заседаний в 72 кв. метра и комнату отдыха в 36 кв. метров. Общая полезная площадь составляет 200 кв. метров. Все помещения убежища располагаются частично в вертикальном шахтном стволе диаметром в свету 7,5 метра и частично в горизонтальной подземной камере, расположенной на глубине 33 метров...

Ствол разделен межэтажными перекрытиями на 9 этажей, из коих 5 этажей заняты обслуживающими помещениями – фильтро-вентиляционной камерой, щитовой, аккумуляторной и прочими.

На уровне 6-го этажа ствола (считая сверху. – Авт.) размещаются зал заседаний и комната отдыха, соединенные со стволом подходным коридором. Вход в убежище из здания обкома ВКП(б) осуществлен через вновь пристроенный к зданию вестибюль. Конструкции шахт выполнены из чугунных тубингов. Камеры, в которых размещены зал заседаний, комната отдыха, резервная электростанция, а также подходные коридоры, выполнены в бетоне...

Защитные конструкции объекта рассчитаны на однократное попадание ФАБ-2000 (фугасная авиабомба весом 2 тонны. – Авт.). Это достигается устройством бетонного монолитного туюфьяка толщиной 3,5 метра, перекрывающего ствол-убежище и часть примыкающих подходных коридоров. Зал заседаний и комната отдыха защищены толщей грунта в 29 метров... Стоимость объекта 8,5 млн рублей».

В Самаре много говорят и о бункере для командного пункта НКВД, но так и не знают, где он находится. Точно так же обстоит дело с ЗКП Верховного в Ульяновске, он якобы расположен на территории УАЗа. А в Ярославле вроде бы и нашли после двух десятилетий поисков бункер в 20 км от города в санатории «Красный холм». Но проникнуть в него не смогли. Считается, что его оборудование вывезено, а сам объект взорван.

Не преуспела в розысках и администрация Саратовской области. А у губернатора в архиве канцелярии обнаружили два любопытных документа, один из которых – Акт приемки спецобъекта № 85, где указано, что горно-строительные и отделочные работы оценены на «отлично», а вот сантехнические только на «хорошо». И вроде место нашли – в глубине Соколовой горы. Сотрудники Нижневолжского научно-исследовательского института, геологи

и геофизики провели там геофизические замеры, даже выявили существование «аномального объекта» размерами примерно 20 на 20 метров на глубине до 29 метров, а внутрь попасть не могут...

Ну а простые любознательные граждане не могут попасть и в известный всем бункер Сталина под его ближней дачей в Кунцево. Он, как и в Измайлово, расположен всего на 15-метровой глубине. Правда, есть немало людей, побывавших там. Они сообщают интереснейшие детали – о лестнице для прочих и лифте для вождя, о большом (72 кв. м) зале заседаний Ставки, о тоннеле, аналогичном Измайловско-Сокольническому, ведущему в Кремль и далее транзитом... Дачу построили в марте 1942-го, когда враг был отброшен от Москвы. А до этого Сталин работал в Измайлове.

И Верховный остался...

В самые трагические дни, когда в октябре 1941-го вопрос о судьбе Москвы висел, что называется, на волоске, 15 октября был издан приказ ГКО об эвакуации.

«Сов. секретно. Особой важности.

Ввиду неблагоприятного положения Можайской оборонительной линии Государственный Комитет Обороны постановил:

1. Поручить т. Молотову заявить иностранным миссиям, чтобы они сегодня же эвакуировались в г. Куйбышев (НКПС – т. Каганович обеспечивает своевременную подачу составов для миссий, а НКВД – т. Берия организует их охрану).

2. Сегодня же эвакуировать Президиум Верховного Совета, а также правительство во главе с заместителем председателя СНК т. Молотова (т. Сталин эвакуируется завтра или позднее, смотря по обстановке).

3. Немедленно эвакуироваться органам Наркомата обороны и Наркомвоенмора в г. Куйбышев, а основной группе Генштаба – в Арзамас.

4. В случае появления войск противника у ворот Москвы поручить НКВД – т. Берия и т. Щербакову произвести взрыв предприятий, складов и учреждений, которые нельзя будет эвакуировать, а также все электрооборудование метро (включая водопровод и канализацию).

Председатель Государственного Комитета Обороны И. Сталин».

На заседании ГКО в октябре 1941-го Берия настоятельным образом советовал Сталину покинуть столицу: «Москва – не Советский Союз. Оборонять Москву – дело бесполезное. Оставаться в Москве опасно».

Но Сталин остался, и это во многом помогло унять панику, охватившую москвичей после эвакуации большинства правительственных и партийных органов. И это поддерживало дух бойцов, оборонявших столицу, подтягивало командиров. И только в марте 1942-го он переехал на ближнюю дачу («Объект № 18»).

Кстати, станция метро «Измайловский парк» получила название «Партизанская» по той причине, что на территории лесопарка еще накануне войны были построены школы для подготовки диверсантов, а затем там появились и школы «Смерша». Часть курсантов жила в здании рядом со спортивным комплексом – его приспособили под казарму.

И надо поведать еще об одном факте, касающемся Измайловского бункера. Он начинается с легенды: вроде бы Гитлер отдал приказ Герингу не бомбить чужие стадионы – дескать, мы будем там проводить свои нацистские торжества. И действительно, ни один немецкий самолет-бомбардировщик над лесопарком и стадионом в том районе не появился. И как оценить деяния тех, кто после войны взрывал технически сложнейшие и очень нужные во все времена строения сталинских времен? Думаю, что ответ можно найти в высказываниях о самом Сталине зарубежных мыслителей.

Генри Киссинджер: «Как ни один из лидеров демократических стран, Сталин был готов в любую минуту заняться скрупулезным изучением соотношения сил. И именно в силу своей убежденности, что он – носитель исторической правды, отражением которой служит его идеология, он твердо и решительно отстаивал советские национальные интересы, не отягощая себя бременем лицемерной, как он считал, морали или личными привязанностями».

Думается, что мнение экс-госсекретаря США созвучно с оценкой Уинстон Черчилля: «Он был выдающейся личностью, импонирующей жестокому времени того периода, в котором протекала вся его жизнь. Сталин был человеком необычайной энергии, эрудиции и несгибаемой воли, резким, жестким, беспощадным как в деле, так и в беседе, которому даже я, воспитанный в английском парламенте, не мог ничего противопоставить... Его влияние на людей было неотразимо. Когда он входил в зал Ялтинской конференции, все мы, словно по команде, встали и, странное дело, почему-то держали руки по швам. Он обладал глубокой, лишенной всякой паники логической и осмысленной мудростью. Сталин был непревзойденным мастером находить в трудные минуты пути выхода из самого безвыходного положения. В самые трудные моменты, а также в моменты торжества он был одинаково сдержан, никогда не поддавался иллюзиям. Он был необычайно сложной личностью. Он создал и подчинил себе огромную империю... Что бы ни говорили о нем, таких история и народы не забывают».

Золотая звезда под номером 33

Александр Бондаренко

18 февраля 2007 года исполнилось 100 лет со дня рождения Героя Советского Союза генерал-лейтенанта авиации Ивана Иосифовича Проскурова. От векового срока ему довелось прожить лишь одну треть, однако и этих тридцати четырех лет, пришедшихся на бурную и динамичную эпоху, нареченную «предвоенной», хватило, чтобы имя Проскурова оказалось золотыми буквами вписано в историю нашей Родины. К сожалению, нашу недавнюю историю мы знаем чрезвычайно плохо, а потому не грех напомнить об уникальной судьбе этого замечательного человека.

Он родился на Украине, в семье рабочего-железнодорожника. С 15 лет батрачил, окончил Железнодорожное училище, работал на заводе, был председателем районного секретариата профсоюзов, учился на рабфаке, затем – в Институте механизации и электрификации сельского хозяйства.

В апреле 1931 года Проскуров стал курсантом летной школы, которую окончил в мае 1934-го. Командовал экипажем и отрядом 23-й авиационной бригады в Московском военном округе, в октябре 1935 года в составе советской делегации участвовал в Международном авиационном состязании в Румынии, а уже в сентябре 1936 года совершил перелет Москва – Хабаровск за 29 часов 47 минут, установив рекорд на столь протяженном маршруте.

С октября 1936 года по июнь 1937 года он воевал в Испании, пройдя путь от простого летчика до командира авиационной группы, взаимодействовавшей с военно-морским флотом республиканцев. Участвовал в уничтожении эшелонов с боеприпасами и горючим, в разгроме колонн двигавшихся к Мадриду мятежников, наносил удары по немецкому линкору «Дойчланд». 21 июня 1937 года Ивану Проскурову было присвоено звание Героя Советского Союза. Ему вручили Золотую Звезду под номером 33.

Возвратившись на Родину, Проскуров возглавлял 54-ю авиационную бригаду в Белой Церкви (Киевский военный округ), затем – 2-ю отдельную авиационную армию особого назначения в Воронеже, был избран депутатом Верховного Совета СССР. С 14 апреля 1939-го по 11 июля 1940 года он – заместитель наркома обороны СССР – начальник 5-го (Разведывательного) управления РККА, входил в состав Главного военного совета НКО. В сентябре 1940-го был назначен командующим ВВС Дальневосточного фронта, а в октябре того же года – помощником начальника Главного управления ВВС Красной Армии по дальней бомбардировочной авиации. Меньше чем за месяц до начала Великой Отечественной войны «за аварийность в частях дальней бомбардировочной авиации» Проскурова снимают с должности и назначают с понижением – командующим ВВС 7-й армии. В канун войны он передал из Москвы в 7-ю армию приказ немедленно убрать самолеты с аэродромов. Приказ был выполнен... А 27 июня 1941 года генерал-лейтенанта авиации Проскурова арестовали и вскоре приговорили к высшей мере наказания. Приговор приведен в исполнение не то 28, не то 18 октября.

15 мая 1954 года Иван Иосифович Проскуров был реабилитирован за отсутствием состава преступления.

* * *

Версий причин трагической судьбы генерала Проскурова после начала перестройки в 1980-е годы выдвинуто немало. Вот какой вариант развития судьбы Ивана Проскурова предложил, например, в своем исследовании «Пятисотлетняя война в России» (книга третья) писа-

тель и историк **Игорь Бунич**, к сожалению уже ушедший из жизни. Его литературно-историческое творчество, заметим, весьма дискуссионно и содержит немало утверждений, не подкрепленных архивными документами. Но в данном случае любопытно описание возможной направленности военно-стратегических планов Гитлера после разгрома Франции и реакции Сталина на доклады начальника военной разведки:

– Очевидно, что главный враг – это Сталин [размышляет Гитлер]. Прежде всего надо разобраться с ним. Для этого нужно сосредоточить на восточных границах достаточное количество сил, чтобы разгромить сталинскую армию в ходе короткой, молниеносной операции, скажем, осенью этого года...

Нереально. За это время не произвести сосредоточения и развертывания необходимых сил. Хорошо, тогда весной следующего года. А если Сталин, увидев сосредоточение столь крупных сил на своих границах, сам нанесет упредительный удар еще до того, как вермахт будет полностью готов к вторжению?

Его надо обмануть, развернув глобальную операцию по дезинформации, скрыв направление главного удара. Сделать так, чтобы он был уверен, что удар мы нанесем по Англии, в то время как в действительности мы нанесем удар по Сталину.

Если в ходе направленных против Англии мероприятий по дезинформации Сталина удастся принудить Англию к капитуляции или миру, то тем лучше.

Но удар по России необходимо нанести в любом случае.

В ходе операции, кодовое наименование которой отныне будет «Гарпун», желательно уничтожить военно-воздушные силы Англии и хоть как-то ослабить ее военно-морские силы, избегая при этом ненужных потерь. Иллюзия возможного десанта должна быть полной, чтобы держать Англию и весь мир, особенно Сталина, в постоянном напряжении и ожидании...

Присутствовавшие на совещании Кейтель, Йодль, Гальдер и Браухич представляли армию; Гейдрих, Канарис и Шелленберг – разведывательные службы; Геринг, Риббентроп и Гесс – партию. От флота никого не было! Все присутствовавшие сосредоточенно молчали, обдумывая предложенный план, который в своей сущности сводился к следующему: начать шумную подготовку к вторжению на Британские острова, а под шумок этой подготовки сосредоточить войска на советской границе и сокрушить Сталина. Кроме присутствующих, ни одна живая душа не должна знать об этой операции...

Дальше произошла как бы неожиданность, поразившая почти все командование вооруженных сил, и особенно командование флотом, которое все последующее примет за чистую монету.

Через три дня, т. е. 16 июля 1940 года, генералы и адмиралы, еще недавно столь удовлетворенные логичностью мышления своего фюрера, получают подписанную Гитлером Директиву № 16 следующего содержания:

Фюрер и Верховный главнокомандующий Вооруженными силами

Штаб-квартира фюрера

16 июля 1940 года

7 экземпляров

Строго секретно

Директива № 16

О подготовке десантной операции против Англии

«Поскольку Англия, несмотря на свое безнадежное военное положение, все еще не выказывает никаких признаков готовности к мирному соглашению, я принял решение подготовиться к десантной операции против Англии и осуществить ее, если в этом возникнет необходимость. Целью этой операции является уничтожение английской метрополии как базы дальнейшего ведения войны против Германии, а при необходимости полной ее оккупации...»

Далее в директиве указывалось, что осуществление операции, получившей кодовое наименование «Морской лев», должно быть проведено внезапным форсированием Ла-Манша на широком фронте примерно от Рамегета до района западнее острова Уайт. В качестве предпосылок десанта на территорию Англии указывалось: разгром вражеских ВВС, «чтобы они не могли оказать заметного сопротивления германской операции», создание маршрутов, свободных от мин, подготовка минных заграждений на флангах маршрутов десанта, а также сковывание английских военно-морских сил в Северном и Средиземном морях.

Командование сухопутных сил получило задачу разработать оперативный план переброски соединений первого эшелона, распределить переправочные средства, установить совместно со штабом ВМС районы погрузки и выгрузки. Командованию военно-морских сил ставилась задача разработать оперативный план, обеспечить и подвести в районы погрузки переправочные средства в количестве, отвечающем требованиям сухопутных сил, обеспечить охрану операции с флангов, подготовить береговую артиллерию. Подготовку операции требовалось завершить к середине августа. 17 июля, т. е. менее чем через сутки после получения директивы, командование сухопутных войск специальной директивой выделило для осуществления вторжения группу армий «Б» в составе 16-й, 9-й и 6-й армий. В лихо составленном оперативном плане, в каждой строчке которого сквозит надежда на его неосуществление, все было четко и просто.

Всего в первой волне на плацдармы южного побережья Англии высаживаются 90 тысяч человек, а на третий день операции их число должно увеличиться до 200 тысяч. Шесть танковых и три моторизованные дивизии высаживаются во второй волне, и на четвертый день операции на плацдармах концентрируются 39 дивизий, не считая двух воздушно-десантных, выброшенных впереди первой волны с задачей дезорганизации узлов связи и управления в оперативном тылу противника.

Советская разведка оказалась на высоте, и директива Гитлера № 16 легла на стол Сталина, хотя здесь явно чувствуется «бескорыстная помощь» немцев.

Сталин вызывает начальника разведки генерала Проскуров и спрашивает: есть ли у немцев возможность действительного вторжения на Британские острова? Подобное вторжение, объясняет вождю Проскуров, зависит от четырех главных условий:

1. Предварительного установления германской авиацией господства в воздухе.
2. Обеспечения господства на море хотя бы в районе вторжения и надежного сковывания сил британского флота в Атлантике и Северном море.
3. Наличия достаточного тоннажа средств десантирования.
4. Возможности преодоления береговой обороны и сопротивления английских войск в ее глубине.

Только при наличии всех четырех условий без исключения немцы могут надеяться на успех. Не обеспечив хотя бы одного из них, они лишатся всяких шансов.

По нашим данным, продолжал Проскуров, британская авиационная промышленность выпустила в мае 1279 самолетов, в июне – 1591, а в текущем месяце намерена выпустить примерно 1700. Это – не считая самолетов, которые по заказу англичан производятся на американских заводах.

В настоящее время у немцев на аэродромах Западной Европы сконцентрировано не более 600 готовых к бою истребителей типа «Мессершмит-109» и примерно 1 100 бомбардировщиков всех типов, включая и двухместные истребители Me-109, используемые в качестве бомбардировщиков.

Таким образом, английская истребительная авиация – основное средство борьбы за господство в воздухе – численно в несколько раз превосходит немецкую, имея при этом дополнительное преимущество: англичанам придется драться над своими базами, в то время как немцам делать то же самое на последних граммах горючего.

Что касается второго условия – обеспечения господства на море, – то здесь положение Германии выглядит вообще бесперспективным. В настоящее время немецкий флот имеет в готовности лишь четыре крейсера и некоторое количество эсминцев, торпедных катеров и минных заградителей. Английский же флот, по нашим данным, только в водах метрополии имеет 5 линкоров, 2 авианосца, 11 крейсеров и более 80 эсминцев. Кроме того, достоверно известно, что прибрежные воды Британии прикрыты плотной зоной минных и иных заграждений. Эти воды охраняют более 700 малых кораблей, из них 200–300 находятся постоянно в море. Сорок соединений флота непрерывно патрулируют воды между Хамбером и Портсмутом.

Далее – транспортные средства для осуществления столь крупного десанта. Их у немцев нет. Необходимое количество можно обеспечить лишь путем широкой мобилизации тоннажа из германского народного хозяйства, в частности с Рейна. Подобная мобилизация нанесет очень тяжелый удар по экономике Германии, особенно в перевозках угля и руды. Кроме того, даже если Гитлер пойдет на мобилизацию тоннажа, для сосредоточения необходимого количества транспортных средств потребуется не менее трех месяцев, т. е. где-то к концу октября, когда ни о какой высадке не может быть и речи из-за погодных условий в Ла-Манше в это время года...

Сталин прерывает доклад начальника разведки резким и нетерпеливым движением руки с зажатой в ней трубкой.

«Совсем недавно, товарищ Проскуров, вы уверяли нас со своими цифрами и данными, что наступление немцев на Западе приведет к затяжной и кровопролитной войне. Теперь вы также нас уверяете, пытаетесь уверить, что десант в Англию невозможен. Таким образом, вы вводите в заблуждение Политбюро ЦК...»

В тот же день генерала Проскурова сняли с должности...

* * *

Из записной книжки И.И. Проскурова:

«16 ноября 1936 г. – Полет в Кадикс, бомбили порт и оружейный завод в С.-Карлос. Попадания хорошие.

9 января 1937 г. – Полет на Мадридский фронт для бомбежки Коса де Кампо. Встретили около 20 истребителей.

21 апреля 1937 г. – Принял группу, прямо страшно подумать – за полгода от командира отряда до командира группы. Думаю справиться так, как и раньше, с поручаемой работой.

29 мая 1937 г. – За эти два дня организовал два вылета всей группой. Результаты замечательные. Штурманы танцуют от результатов бомбежки...»

На протяжении восьми месяцев Проскуров воевал в Испании. Начинал рядовым летчиком, закончил командиром группы всех скоростных бомбардировщиков.

Постановление ЦИК СССР:

«За образцовое выполнение специальных заданий Правительства по укреплению оборонной мощи Советского Союза и проявленный в этом деле героизм присвоить звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина:

1. Комкору СМУШКЕВИЧУ Якову Владимировичу

2. Комкору ПАВЛОВУ Дмитрию Григорьевичу

3. Комкору ПЕТРОВУ Михаилу Петровичу

4. Полковнику КОПЕЦ Ивану Ивановичу

5. Майору ПРОСКУРОВУ Ивану Иосифовичу.

21 июня 1937 года».

Смушкевич, Павлов и Проскуров были расстреляны, командующий 50-й армией Петров погиб, выходя из окружения, генерал-майор Копец застрелился. Все это произошло в 1941 году.

Вернувшись из Испании, Проскуров принял под командование авиационную бригаду. На следующий год – 2-ю воздушную армию особого назначения, в 1939-м стал заместителем наркома обороны СССР – начальником Разведывательного управления РККА. Было ему тогда 32 года... В конце 1940-го он возглавил дальнюю бомбардировочную авиацию.

Даже из сказанного здесь становится ясно, что судьба Героя Советского Союза генерал-лейтенанта Ивана Проскурова, кавалера орденов Ленина, Красного Знамени и двух орденов Красной Звезды, депутата Верховного Совета СССР – один из ключей к пониманию причин трагических событий 1941 года.

22 июня Проскуров убыл командующим ВВС 7-й армии – уже на Северо-Западный фронт. Накануне он, еще находясь в Москве, передал в 7-ю армию приказ немедленно убрать самолеты с аэродромов. Приказ был выполнен... А 27 июня генерала арестовали.

Из архива НКВД СССР: «Материалами дела Проскуров обвиняется в том, что являлся участником военной заговорщической организации, по заданиям которой проводил вражескую работу, направленную на поражение Республиканской Испании, снижение боевой подготовки ВВС Красной Армии и увеличение аварийности в Военно-Воздушных Силах.

Ст. следователь Следчасти по особо важным делам НКВД СССР – Цепков.

Зам. нач. Следчасти – Шварцман.

Нач-к Следчасти – Влодзимирский».

Иван Иосифович был расстрелян в октябре 1941 года – в числе других высших руководителей ВВС РККА. «Вредительством» высшего комсостава было удобно объяснить катастрофические потери, понесенные нашей авиацией в первый день войны.

На самом деле важнейшие причины были, видимо, иные. Свидетельством тому – приводимый текст письма, написанного генералом Проскуровым 21 апреля 1941 года. Оно долгие десятилетия хранилось в архиве и рассекречено совсем недавно. Вот его текст.

«Совершенно секретно

В ЦК ВКП(б)

Тов. Сталину И.В.

Тов. Жданову А.А.

Считаю партийным долгом... доложить некоторые соображения по существу подготовки авиации к войне.

Изучая уроки войны с белофиннами, Вы, т. Сталин, на совещании в Кремле весной 1940 г. сделали выводы о наличии коренных ошибок в подготовке Красной Армии к войне и дали свои исторические указания о путях устранения этих ошибок, что было обеспечено и организационными мероприятиями. Главными из недостатков были: условность в учебе, мягкотелость в тренировке войск в условиях, максимально приближенных к боевым, игнорирование новых методов применения и взаимодействия технических средств вооружения в ведении современной войны, слабое изучение опыта второй империалистической войны.

Маршал тов. Тимошенко, которому Вы поручили дело перестройки Красной Армии, с присущей ему большевистской настойчивостью крепко взялся за дело, и подавляющее большинство командного состава армии поняли ВАШИ требования и мероприятия Наркома Обороны, как необходимость в кратчайший срок, любыми средствами, привести армию в отличное боевое состояние для успешного ведения сложной современной войны. Так понял это и я.

За год работы по-новому наземные части Красной армии добились безусловных результатов, а авиация продолжает отставать. Как оказалось, она является самым запущенным родом войск в нашей армии, и могу смело утверждать, что и теперь по своей подготовке наша авиация не отвечает требованиям борьбы с сильным противником.

Главным недостатком в подготовке авиации считаю неумение в массе своей, даже кадрами, надежно действовать в сложных метеоусловиях и ночью, низкий уровень огневой и разведывательной подготовки (большинство экипажей не умеют отыскивать цели, даже в крупных пунктах).

Именно поэтому, совершенно не случайно, за последние 3–4 месяца на рассмотрение ЦК вносились для решения ряд коренных вопросов перестройки и обеспечения подготовки авиации (большинство, к нашему стыду, по ВАШЕЙ инициативе). Неслучайно обращаются к ВАМ по этим же вопросам летчики-коммунисты тт. Голованов, Молоков и, видимо, многие другие, знающие подлинное состояние частей ВВС. На днях я был свидетелем горячих споров между тов. Молоковым и группой призванных из гражданского флота летчиков-специалистов ночных и слепых полетов с т. Жигаревым об условиях обучения летного состава дальней авиации полетам в сложных условиях. Тов. Молоков и его специалисты считают, что при существующих правилах летной службы в ВВС они не смогут выполнить возложенной на них задачи – слишком велики ограничения, они побывали в нескольких частях ВВС и убедились, что слишком велика боязнь у командного состава ответственности за полеты в сложных метеоусловиях и ночью. В то же время всем понятно, что без настоящей подготовки драться с серьезным противником мы не сможем.

Задача ясна – во что бы то ни стало поломать эту боязнь и заставить части ВВС готовиться действовать в условиях, приближенных к боевым.

Ведь летают же немцы на приличные расстояния десятками и сотнями самолетов и в плохих метеоусловиях. Ведь летают же англичане сотнями самолетов на сильно защищенные объекты в плохих метеоусловиях и ночью, и плохо ли, хорошо, а задания выполняют. Когда же наша авиация станет способной надежно выполнять подобные полеты массово? Что же, наши летчики или самолеты хуже заграничных? Этот вопрос, тов. Сталин, меня, как и многих командиров ВВС, здорово мучил и мучает.

В конце 1940 года, с ВАШЕГО ведома, я принял руководство дальней бомбардировочной авиацией и получил конкретную задачу – в течение 1941 года сделать части дальней авиации способными выполнять боевые задачи на предельном радиусе самолета в сложных метеоусловиях и ночью. С тех пор с коллективом командиров управления дальней авиации отдавал все силы на успешное выполнение этой важной задачи. Что я принял на 1 декабря 1940 года? В частях ДБ авиации насчитывается около 2000 экипажей, из них в то время летал ночью 231 экипаж, летали в сложных метеоусловиях 139 экипажей (около 6 %), обучались полетам вслепую 485 экипажей (около 24 %).

Как видно, цифры для ДБ авиации явно не терпимы – всего по 3–5 полностью подготовленных экипажей на авиаполк.

За прошедшие 4–5 месяцев зимней летной работы, в условиях плохой летной погоды, ограниченности горючим и смазочным, плохой работе моторов (много самолетов стояли и стоят в ремонте), проводилась усиленная работа по поднятию качества летной подготовки ДБ авиации, и к середине апреля с.г. приведенные выше цифры ИЗМЕНИЛИСЬ, теперь летают ночью 612 экипажей (30 %), летают в сложных метеоусловиях 420 экипажей (20 %), обучаются полетам в сложных метеоусловиях 963 экипажа (50 %). Как видно, качество подготовки выросло больше, чем в ДВА раза. Понятно, что и теперь подготовка явно недостаточная, приведенные цифры характеризуют способность экипажей в большинстве выполнять полеты ночью и в сложных условиях, в аэродромных условиях – обучение настоящим дальним полетам еще впереди.

Этот перелом в качественной подготовке ДБ авиации сопровождается большим количеством летных происшествий – 18 катастроф в 1941 г. Из них: не установлены причины – 4, не справились со сложными метеоусловиями – 5, отказ моторов в воздухе – 4, по недисциплини-

рованности летного состава – 5. Значительная часть катастроф по причинам плохой организации и дисциплины, как это правильно указано в приказе НКО № 0022.

Происшествия тяжелые и их много, это верно, но интересы дела требуют еще больше увеличить интенсивность летной работы, неустанно улучшая организацию и порядок в ВВС. Серьезные предупреждения и наказания, записанные в приказах НКО, заставят командный состав ВВС подтянуться, но наряду с этим они могут усилить боязнь за происшествия и тем снизить темпы качественной подготовки.

Дорогой тов. Сталин, у нас в истории авиации не было случая, когда бы судили командира за плохую подготовку подчиненной ему части. Поэтому люди невольно выбирают из двух зол для себя меньшее и рассуждают так: “За недоработки в боевой подготовке меня поругают, ну в худшем случае снизят на ступень в должности, а за аварии и катастрофы я пойду под суд”. К сожалению, так рассуждающие командиры не единичны.

Такие настроения имеют и будут иметь место до тех пор, пока за боевую готовность подчиненной части не будут предъявлены такие же требования и ответственность, как и за аварийность. За последнее время я больше работал в частях и твердо в этом убедился. Остальные вопросы подъема ВВС полностью разрешены ЦК за последнее время...»

* * *

История ВВС Красной Армии в предвоенный период далеко ещё не исследована. Многие причины репрессий, обрушившихся на представителей их руководящего состава, до конца не выяснены. Исторической истины ради следует признать, что основания для недовольства у Сталина были. Об этом достаточно скрупулёзно написал А.А. Волков в своей работе «Советская авиапромышленность и ВВС РККА в период репрессий 1937–1941 гг.».

Например, неудача постигла разработчиков авиапушки для штурмовика Ил-2, на который в Кремле возлагали большие надежды. 14 января 1941 года главный конструктор С.В. Ильюшин направил письмо наркому авиационной промышленности А.И. Шахурину, в котором информирует его, что *«самолет производством закончен, за исключением установок пушек МП-6»*. Дело в том, пояснил конструктор, что *«сила отдачи пушки значительно превосходит 2200 кг, которую назвал нам тов. Таубин и на которую мы рассчитывали крыло»*.

20 января Ильюшин вновь пишет Шахурину и наркому вооружения Б.Л. Ванникову по поводу пушки для своего штурмовика: *«При проектировании установок пушки на самолет Ил-2 мы запросили тов. Таубина о силе отдачи пушки МП-6. Тов. Таубин... ответил нам, что усилие отдачи пушки МП-6 равно 2200 кг. На эту силу отдачи мы и рассчитывали крыло, когда проектировали установку пушки на Ил-2. 20 января 1941 г. нами получен отчет ЦАГИ по определению силы отдачи пушки МП-6 (ПТБ-23). Согласно этого отчета сила отдачи равна 5000 кг, а максимальная, замеренная на испытаниях два раза, достигает 5200 кг, т. е. в 2,36 раза больше, чем данная тов. Таубиным сила отдачи. Доношу, что пушку с силой отдачи в 5000–5200 кг на самолет Ил-2 мы, по условиям прочности крыла, установить не можем...»*

В середине февраля штурмовик Ил-2, наконец, испытывают с двумя 23-мм пушками МП-6 конструкции Я.Г. Таубина (ОКБ-16). Испытания закончились неудачей. Пушки МП-6 пришлось заменить: первоначально на две 20-мм пушки ШВАК [Шпитальный-Владимиров Авиационный Крупнокалиберный], а затем – 23-мм ВЯ [Волков-Ярцев].

Аресты не заставили себя долго ждать. Арестовали и Таубина, и его соавтора – конструктора М.Н. Бабурина, за ними группы представителей Наркомата авиапромышленности и ВВС РККА как «вредителей» и «саботажников». Их обвинили в том, что они поспешно пустили в серийное производство «сырое изделие». Авиапущка имела чрезмерные вес и силу отдачи, низкую надежность в эксплуатации.

Не меньшее раздражение Сталина вызывала большая аварийность в военной авиации. Весной 1941 года в связи с освоением летным составом боевых полков новых типов самолётов число аварий резко возросло. На то были объективные причины (недостаточная квалификация многих лётчиков, их низкая техническая культура), но и расхлябанности в авиаполках было немало, «хромала» дисциплина.

9 апреля появилось совместное постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «Об авариях и катастрофах в авиации Красной Армии», в котором с тревогой отмечалось, что *«ЦК ВКП(б) и СНК СССР устанавливают, что аварии и катастрофы в авиации Красной Армии не только не уменьшаются, но все больше увеличиваются из-за расхлябанности летного и командного состава, ведущей к нарушению элементарных правил летной службы. Факты говорят, что из-за расхлябанности ежедневно в среднем гибнет у нас при авариях и катастрофах 2–3 самолета, что составляет на год 600–900 самолетов. Нынешнее руководство ВВС оказалось неспособным повести серьезную борьбу за укрепление дисциплины в авиации и за уменьшение аварий и катастроф. Руководство ВВС, как показывают факты, не только не борется за соблюдение правил летной службы, но иногда само толкает летный состав на нарушение этих правил...»*

12 апреля нарком обороны Тимошенко представил в ЦК ВКП(б) проект постановления Главного военного совета Красной Армии РККА по этому вопросу. Сталин, ознакомившись с проектом, внес дополнительное предложение, с резолюцией на титульной странице: «Т-щу Тимошенко. Согласен с той, однако, оговоркой, чтобы в приказ был включен абзац о тов. Проскурове и чтобы т. Проскуров был предан суду наравне с т. Мироновым [полковник Миронов руководил штабом оперативных перелетов и разрешил полет самолетов в сложных метеоусловиях, что привело к катастрофе нескольких самолётов и гибели военнослужащих]. Это будет честно и справедливо. И. Сталин».

В тот же день вышел приказ наркома обороны № 0022, в котором говорилось: «...Заместителя начальника ГУ ВВС КА [по дальнебомбардировочной авиации] генерал-лейтенанта авиации Проскурова И.И. за явно преступное распоряжение, нарушающее правила летной службы, в результате чего произошли 3 катастрофы, при которых погибло 7 человек и ранено 2 человека, от занимаемой должности отстранить и предать суду...»

21 апреля Проскуров направляет уже приведённое выше письмо Сталину. 4 мая на Политбюро ЦК ВКП(б) принимает новое решение относительно судьбы Проскурова и Миронова: «Предложить прокурору СССР т. Бочкову в отношении генерал-лейтенанта авиации Проскурова и полковника Миронова рассмотреть их дело на суде и, имея в виду их заслуги по работе в Красной Армии, ограничиться общественным порицанием».

2 июня генерал Проскуров вновь пишет Сталину: *«Родной товарищ Сталин. Не в силах больше выносить безделье, продолжающее вот уже два месяца, особенно в свете изложенных в передовой “Правды” от 31 мая требований к большевику – набрался смелости обратиться к Вам. Приказом НКО меня сняли с работы и предали суду за преступное распоряжение, повлекшее за собой гибель людей и самолетов. Следствие и суд располагали неопровержимыми документами и десятками свидетельских показаний о том, что:*

Погода соответствовала требованиям полетной службы ВВС по уровню подготовки, посланных в полет экипажей (есть протокол экспертизы). Никаких преступных распоряжений и действий с моей стороны не было, а что гибель людей и самолетов произошла по причине вопиющей недисциплинированности двух ведущих командиров».

Проскуров закончил письмо словами: *«Одно прошу Вас, родной товарищ Сталин, помогите мне встать в строй, куда угодно и на какую угодно работу. Нет больше сил терпеть это вынужденное безделье. Член ВКП(б) с 1927 г. Генерал-лейтенант авиации И. Проскуров».*

Видимо, письмо способствовало новому назначению опального генерала. 15 июня приказом наркома обороны он был назначен командующим ВВС 7-й армии в Петрозаводск (Карелия). Но долго воевать ему не пришлось.

Уже на третий день войны с санкции Сталина возобновились аресты авиационных генералов. 24 июня по согласованию с наркомом обороны С.К. Тимошенко и Прокурором СССР В.М. Бочковым были арестованы командующий ВВС Юго-Западного фронта Герой Советского Союза генерал-лейтенант авиации Е.С. Птухин и бывший начальник Главного управления ВВС РККА Герой Советского Союза генерал-лейтенант авиации П.В. Рычагов.

25 июня арестовали жену Рычагова – заместителя командира авиаполка особого назначения майора М.П. Нестеренко, 27 июня – генерал-лейтенанта авиации Проскурова и начальника штаба ВВС Красной Армии генерал-майора авиации П.С. Володина, 28 июня – начальника Военной академии командного и штурманского состава ВВС генерал-лейтенанта авиации Ф.К. Арженухина, 11 июля – командующего ВВС Северо-Западного фронта генерал-майора авиации А.П. Ионова (его заместителя – генерал-лейтенанта авиации П.А. Алексеева – задержали ещё 19 июня), 12 июля – заместителя командующего ВВС Западного фронта генерал-майора авиации А.И. Таюрского, начальника штаба ВВС Юго-Западного фронта генерал-майора авиации Н.А. Ласкина. Это – неполный список арестованных должностных лиц ВВС. Всем им инкриминировалась измена Родине, участие в «заговорщической организации», но фактически они ответили своими жизнями за неудачное начало войны и большие потери ВВС Красной Армии.

Глазами американского историка

**Профессор Роджер Риз, Техасский университет (США),
автор книг «Непослушные солдаты Сталина: социальная
история Красной Армии. 1925–1941 гг.», «Советский
военный опыт: история Советской Армии, 1917–1991 гг.»**

Как и почему Советский Союз с его экономической мощью, многочисленной и хорошо оснащенной армией оказался на грани геополитической катастрофы всего через шесть месяцев схватки с гитлеровской Германией? Почему в 1941-м Красная Армия не смогла защитить государственные границы СССР? Большинство причин, выдвинутых советскими историками, сводится к личной вине И.В. Сталина. Он, как считается, принуждал военных придерживаться исключительно наступательной стратегии, а сталинские «чистки» довели офицерский корпус до истощения – в результате репрессий погибли лучшие и самые яркие из командиров. Сталин виноват и в том, что нападение Германии обернулось «стратегической внезапностью», а его вмешательство в боевые операции серьезно препятствовало организации обороны в начальный период войны. К тому же сила и опыт германской армии и ее сателлитов были преувеличены, им приписывалось численное, техническое и тактическое превосходство...

Однако в подобных объяснениях немало изъяснов и просто ошибочных утверждений, рассчитанных на то, чтобы скрыть истинного виновника поражений. Я полагаю, что ответственность за них в первую очередь должна нести сама Красная Армия.

В действительности не Сталин навязал Красной Армии наступательную стратегию – «отцом» ее был маршал Михаил Тухачевский, который сделал все от него зависящее, чтобы привить ее РККА. Германское нападение стало неожиданностью для рядовых красноармейцев, но, как видно из недавно рассекреченных документов, советскому Генштабу было хорошо известно о надвигающейся опасности – за несколько дней до ожидаемой и неизбежной войны войска на западных границах были даже приведены в состояние готовности.

Да, в начале войны Сталин вмешивался – но отнюдь не во все и не в каждую из операций. Он несет ответственность за окружение Киева, но его нельзя винить за неспособность РККА разгромить немцев на киевских подступах. В начале войны германская армия действительно обладала численным превосходством, но лишь в пехоте и только на направлениях главных ударов; у нее совсем не было преимуществ в качестве или количестве бронесил. Верно, что тактика и боевое мастерство германских сил были выше, чем возможности Красной Армии разгромить гитлеровцев, но почему? Связано ли это с чистками советского офицерского корпуса? Полагаю, что нет.

«Ежовщина» стала трагедией для всего советского общества, но ее влияние на армию сильно преувеличено. Еще в разгар репрессий Вооруженные Силы завышали свои потери, чтобы, как я полагаю, вынудить Сталина остановить чистки. Можно прочесть, будто жертвами репрессий стала чуть ли не половина офицерского корпуса, но документы из возглавляемого Е.А. Щаденко Управления по начсоставу НКО показывают: истинное число репрессированных офицеров (с учетом восстановленных) для 1937 года составляет около 7,7 процента, а для 1938 года – около 3,8 процента от их списочной численности. Самый тяжелый удар был нанесен комсоставу дивизионного уровня и выше. Впоследствии ряд этих командиров объявили военными гениями, однако утверждения, будто они на голову превосходили всех тех, кто вскоре был реабилитирован или не подвергся репрессиям, никем не доказаны и должны рассматриваться с долей скептицизма.

На самом деле многие из зол, приписанных «ежовщине», были связаны с быстрым расширением Вооруженных Сил, которое началось в 1928 году. За 4 года численность армии возросла с 548 000 до 940 000 человек. И тотчас о себе дали знать проблемы с призывом и подготовкой офицеров, обеспечением их жильем, индивидуальным обучением солдат и боевых частей. По инициативе маршала Тухачевского армия начала новый этап расширения в 1936–1938 годах, когда территориальные силы были преобразованы в регулярные, а численность Вооруженных Сил возросла до 1,4 млн человек. Третий этап расширения пришелся на 1939–1941 годы, и, когда армия готовилась к войне с Германией, она насчитывала уже 4,5 млн человек.

К лету 1941-го около 75 процентов командиров и комиссаров занимали свои должности менее года. Это, по уверениям советских историков, следует связывать с трагическими последствиями «чисток». Между тем с 1 января 1939-го по 1 мая 1941 года армия сформировала 111 стрелковых и по меньшей мере 50 танковых и моторизованных дивизий. К июню в РККА было 303 дивизии, и, когда грянула война, 81 из них была в стадии формирования, а некомплект командиров составлял порядка 240 000 человек. При этом все офицеры, которые получили назначение в созданные после июня 1940 года части, де-факто служили там меньше года. Более 1 млн красноармейцев к весне 1941-го вообще служили меньше года. Вряд ли кому придет в голову связывать с «чистками» и эти факты...

Повторюсь, что «ежовщина», конечно, усугубила проблемы с комплектованием и боевой подготовкой, но корни их, думается, совершенно иные.

Боевая подготовка и комплектование кадрами – вот самые важные из проблем, с которыми Красная Армия столкнулась в 1941 году. В канун германского нападения достаточной подготовкой обладали лишь немногие из солдат, командиров или боевых частей. Первопричина – слишком быстрое расширение, превысившее возможности самой армии по набору и обучению офицеров, способных управлять ею и проводить боевую подготовку соединений.

Истоки проблем с боевой подготовкой легко проследить со времен еще царской армии, где не существовало налаженной системы планомерного, методического обучения каждого солдата или небольшой воинской части. Полк был предоставлен сам себе, подготовка оставалась самой минимальной. Так что после создания Красной Армии почерпнуть опыт организации боевой подготовки было неоткуда, и вновь эта задача была возложена на усмотрение каждого полка. Хотя руководство подготовкой мало-помалу осуществлялось свыше, поддержка и надзор за ней оставались делом случая. К тому же в центре внимания руководства находились крупные соединения, а подготовка и обучение подразделений как бы выпадали из поля зрения.

В 1928–1941 годах перед РККА не раз вставала задача пополнения офицерскими кадрами. Расширяющимся Вооруженным Силам требовалось все больше командиров, но возможности советского общества были безграничны. К июню 1941 года Красная Армия полагалась на пополнение комсостава за счет спецмобилизации членов партии, на увеличение срока службы призванных из запаса, на массовое производство сержантов в младшие лейтенанты и, в конце концов, на сержантский состав, которому поручалось командование взводами и даже ротами.

В 1930-е годы упало качество подготовки офицеров всех уровней. Курс обучения в военных училищах сократился с 4 до 2 лет и менее, но найти достаточное число желающих для заполнения вакансий Вооруженных Сил не удалось...

Осознавая, что управление огромной Красной Армией ложится тяжким бременем на офицерский корпус, новый нарком обороны С.К. Тимошенко в мае 1940 года предложил Сталину сократить армию до 686 тысяч. Сталин, вдохновленный идеей многочисленной армии, отклонил это предложение и распорядился продолжить процесс расширения. Вдобавок ко всем неприятностям неопытным и плохо обученным молодым офицерам часто вверялись подразделения, для командования которыми у них не хватало ни опыта, ни подготовки. Так, под начало

новоиспеченных лейтенантов нередко отдавали роту или даже батальон, хотя доверить им пока что можно было только взвод. Разумеется, эти недоучившиеся, перегруженные и истощенные работой офицеры должным образом заниматься подготовкой своих подчиненных не могли.

Расширение осложнялось коллективизацией, раскулачиванием и голодом 1932–1933 годов, которые стали причиной ухудшения здоровья и упадка боевого духа красноармейцев, что, разумеется, отрицательно сказывалось и на боевой подготовке. Рост численности и создание все новых воинских частей порождали потребность в гарнизонах с обустройством казарм и учебных полигонов. Кто их строил? Конечно, сами военнослужащие. Проходило несколько месяцев, пока в чистом поле не отстраивался новый военный городок или уже существующий не расширялся так, чтобы принять новые тысячи солдат. Пока шла стройка, обучение не проводилось. Многие из тех, кто отбывал двухлетний срок воинской повинности, а в 1939 году он увеличился до трех лет, половину своей службы были заняты как чернорабочие.

С демографической точки зрения состав частей, сформированных в 1939–1941 годах, тоже был связан с проблемами. Чтобы обеспечить комплектование растущей армии в неведомых ранее масштабах, в Вооруженные Силы начался призыв представителей неславянских народов, чего, кстати, вообще не было в Русской армии. Очень часто они толком не могли изъясняться по-русски, поэтому с трудом поддавались обучению и не подчинялись дисциплине.

В те же годы из запаса были призваны сотни тысяч человек. Многих, кому тогда было уже под 30, служба совсем не прельщала, и в некоторых воинских частях недисциплинированность и неподчинение заставляли командиров ходатайствовать об увольнении таких резервистов...

Негативное влияние на армию оказало и ее участие в боевых действиях на Халхин-Голе, в Польше и Финляндии, а также присоединение Прибалтики, Северной Буковины и Бессарабии. В чрезвычайном порядке эти кампании потребовали целенаправленного привлечения огромных ресурсов. Потери среди комначсостава достигли десятков тысяч. Упадок боевого духа частей, сражавшихся с финнами, стал передаваться другим воинским соединениям, так что при приведении частей в готовность для ведения боевых действий число случаев дезертирства резко повышалось. Успешные бои в Польше тоже причинили серьезный урон Вооруженным Силам, поскольку теперь Государственная граница отодвинулась к Западу и оборонительные рубежи надо было возводить на новом месте буквально «с нуля». Наконец, новое очертание границ посеяло семена проблем со снабжением, обострившихся в военное время.

После кампаний 1939–1940 годов на Западе, изменения границ и разгрома Франции встал вопрос о пересмотре военной доктрины. 24–31 декабря 1940 года 28 командующих сухопутными и воздушными силами РККА провели совещание, выясняя, как лучше защитить СССР от нацистского нападения. Главной темой стал вопрос о типе оборонительной стратегии – активной или статической. В пользу последней говорил успех финнов в 1939-м. У сторонников активной обороны, ориентированной на мобильные бронированные силы, примеров для ссылок не нашлось. Никто не знал, какие именно уроки следует извлечь из победы Германии над Францией. Хотя участники совещания так и не пришли к общему решению, было подготовлено путаное послание готовиться к обоим типам обороны, обустроявая все новые укрепления и одновременно наращивая количество мехкорпусов.

Результаты 13-летнего стремительного и масштабного расширения плохо подготовленной армии представлены в донесении помощника командующего Юго-Западным фронтом по автобронетанковым войскам генерал-майора В.Т. Вольского заместителю наркома обороны генерал-лейтенанту Я.Н. Федоренко от 5 августа 1941 года, где раскрываются причины, как их видел Вольский, быстрой потери танков в первые полтора месяца войны. Вольский доказывал, что механизированные корпуса должны быть приданы фронтам и подчинены армиям ошибочно. Армейское командование плохо представляет, как использовать мехкорпуса, что мощь последних носит стратегический, а не тактический характер, и, таким образом, оно не понимает, как использовать их с наибольшей отдачей. Командиры армий не задумывались, как

обеспечить взаимодействие пехотных и бронированных частей, поэтому те воевали порознь, из-за чего снижалась эффективность их применения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.